

Ю. И. СЕМЕНОВ

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ КАК ЕДИНЫЙ ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

1. ВВОДНАЯ ЧАСТЬ.

ПРОБЛЕМА И ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ

1.1. Введение в проблему: два основных подхода к мировой истории

Существуют два основных подхода к истории человечества. Первый из них заключается во взгляде на всемирную историю как на единый процесс поступательного, восходящего развития человечества. Такое понимание истории предполагает существование стадий развития человечества в целом. Поэтому оно может быть названо *унитаристским* (от лат. *unitas* – единство) или точнее *унитарно – стадияльным*. Возник такой подход давно. Он нашел свое проявление и в вычленении таких основных стадий истории человечества, как дикость, варварство и цивилизация (А. Фергюсон и др.), и в подразделении этой истории на охотничье-собираТЕЛЬСКИЙ, скотоводческий (пастушеский), земледельческий и торгово-промышленный периоды (А. Тюрго, А. Смит и др.). Этот подход присутствует и в выделении в истории цивилизованного человечества вначале трех, а затем четырех всемирно-исторических эпох: древневосточной, античной, средневековой и новой (Л. Бруни, Ф. Бьондо, К. Келер и др.).

В настоящее время существуют две основные унитарно-стадияльные концепции истории. Одна из них – марксистская. В ней в качестве стадий развития человечества выступают по одним представлениям пять, по другим шесть общественно-экономических формаций (первобытно-общинная, азиатская, античная, феодальная, капиталистическая и коммунистическая). Именно ее имеют в виду, когда говорят о *формационном* подходе к истории. Другую принято именовать концепцией постиндустриального общества (Д. Белл, О. Тоффлер, А. Турен, Г. Кан, З. Бжезинский и др.). Постиндустриалисты

выделяют в истории человечества три стадии: (1) традиционного (аграрного) общества, (2) индустриального (промышленного) общества и (3) постиндустриального (сверхиндустриального, сервисного, информационного, технотронного и т. п.) общества.

В нашей исторической науке долгое время (не без принуждения сверху) господствовало унитарно-стадиальное понимание истории в его марксистском, формационном варианте. В настоящее время многие наши историки его отвергают. Они противопоставляют ему иное понимание истории, которое обычно именуют *цивилизационным*.

Но из тех, кто молитвенно повторяет слова «цивилизационный подход», многие совершенно не понимают, в чем заключается его сущность. А состоит она в том, что человечество подразделяется на несколько совершенно самостоятельных образований, каждое из которых имеет свою собственную совершенно самостоятельную историю. Плюрализм во взглядах на историю необходимо сочетается с циклизмом. Каждое из таких исторических образований возникает, развивается и рано или поздно с неизбежностью гибнет. История человечества таким образом раздроблена не только в пространстве, но и во времени. Существует множество исторических образований и, соответственно, множество историй. Вся история человечества есть бесконечное повторение множества одних и тех же процессов.

Каждое историческое образование все начинает с начала. Поэтому ничего нового оно внести не может. Отсюда следует, что все такого рода образования совершенно равноценны, эквивалентны. Каждое по уровню развития стоит не ниже и не выше всех остальных. Каждое развивается, причем до поры до времени даже поступательно, но человечество в целом не эволюционирует, тем более не прогрессирует. Происходит вечное вращение множества беличьих колес.

Таким образом, с такой точки зрения не существует ни человеческого общества в целом, ни всемирной истории как особого процесса. Соответственно, не может быть и речи о стадиях развития человеческого общества в целом и тем самым об эпохах мировой истории. Поэтому такой подход к истории можно было бы назвать *плюралистским* (от лат. pluralis – множественный).

Плюралистское понимание истории возникло не сегодня. У его истоков стоят Ж. А. Гобино и Г. Рюккерт. Основные положения исторического плюрализма были достаточно четко сформулированы Н.Я.Данилевским, доведены до крайнего предела О.Шпенглером, в

значительной степени смягчены А. Дж. Тойнби и приобрели карикатурные формы в работах Л.Н.Гумилева. Названные мыслители именовали выделенные ими исторические образования по-разному: цивилизации (Ж.А. Гобино и А. Дж. Тойнби), культурно-исторические индивиды (Г. Рюккерт), культурно-исторические типы (Н.Я. Данилевский), культуры или великие культуры (О. Шпенглер), этносы и суперэтносы (Л.Н. Гумилев). Но это не меняло сути их понимания истории.

На мой взгляд, плюралистическое понимание истории несостоятельно. Об этом свидетельствует хотя бы эволюция взглядов последнего классика «цивилизационного подхода» – А. Дж. Тойнби. С течением времени он все в большей степени сдвигался от исторического плюрализма в сторону унитаризма. Собственные построения исторических плюралистов не представляют собой особой научной ценности. Значение их трудов состоит в том, что в них была вскрыта слабость господствующих вариантов унитарно-стадиального подхода к всемирной истории, не исключая и формационного.

Согласно мнению большинства марксистов, схема развития и смены общественно-экономических формаций, предложенная К. Марксом, представляла собой модель развития *каждого* социально-исторического организма, т. е. каждого конкретного отдельного общества. Всемирная история в их представлениях выступала как простая совокупность историй множества от века существующих социально-исторических организмов, каждый из которых в норме должен был «пройти» все общественно-экономические формации.

Таким образом, смена общественно-экономических формаций мыслилась как происходящая исключительно лишь внутри социально-исторических организмов. Соответственно, общественно-экономические формации, выступали прежде всего как стадии развития не человеческого общества в целом, а отдельных социально-исторических организмов. Основание считать их стадиями всемирно-исторического развития давало только то, что их «проходили» все или, по крайней мере, большинство социально-исторических организмов.

Такой взгляд, несомненно, находится в вопиющем противоречии с исторической реальностью, что и дало основания противникам

материалистического понимания истории объявить эту концепцию ложной.

Основной порок ортодоксальной версии смены общественно-экономических формаций состоял в том, что в ней единство мировой истории, по сути, сводилось к общности законов, действующих в каждом социально-историческом организме. При этом все внимание концентрировалось только на связях «вертикальных», связях во времени, диахронных, да и то понимаемых крайне односторонне, лишь как связи между различными стадиями развития внутри одних и тех же социально-исторических организмов. Что же касается связей «горизонтальных», т. е. связей между сосуществующими в пространстве социально-историческими организмами, связей синхронных, то в ортодоксальном варианте теории общественно-экономических формаций им не придавалось значения. Такой подход делал невозможным подлинное понимание единства мировой истории, закрывал дорогу к подлинному историческому унитаризму.

Сейчас существует настоятельная нужда в таком подходе, который, продолжая оставаться унитарным-стадиальным, в то же время учитывал бы всю сложность всемирно-исторического процесса, подход, который не сводил бы единство истории только к общности законов, а предполагал бы понимание ее как единого целого. Действительное единство истории неотделимо от ее целостности.

Человеческое общество в целом существует и развивается не только во времени, но и в пространстве. И новый подход должен учитывать не только хронологию мировой истории, но и ее географию. Он с необходимостью предполагает историческое картографирование исторического процесса. Всемирная история движется одновременно во времени и пространстве. Новому подходу предстоит уловить это движение как в его временном, так и пространственном аспектах.

Как уже указывалось, большинство марксистов понимало марксову схему развития и смены общественно-экономических формаций как модель эволюции *каждого* социально-исторического организма, взятого в отдельности. Но возможно и иная интерпретация: понимание этой схемы как воспроизведения внутренней необходимости развития всех существовавших и существующих социально-исторических организмов, только *вместе взятых*, т. е. всего человеческого общества в целом.

В таком случае общественно-экономические формации выступают прежде всего как стадии развития человеческого общества в целом. Они могут быть и стадиями развития отдельных социально-исторических организмов. И это совершенно не обязательно.

Подобный подход предполагает совершенно иное понимание смены стадий исторического процесса. Его можно было бы, забегая несколько вперед, назвать *унитарно-эстафетно-стадиальным*. И он возник довольно давно, хотя и не пользовался никогда широким признанием. Впервые он зародился в трудах французских мыслителей XVI в. Ж. Бодена и Л. Леруа. В XVII в. его придерживался англичанин Дж. Хейквилл, в XVIII в. – немцы И.Г. Гердер и И. Кант, француз К.Ф. Вольней. Наивысшего своего развития этот подход к истории нашел в «Лекциях по философии истории» Г.В.Ф. Гегеля, после чего был почти совершенно забыт. Сейчас пришла пора возродить его на новой основе¹.

1.2. Категориальный аппарат

1.2.1. Вводное замечание

При изложении своего понимания всемирной истории я буду пользоваться целым рядом понятий. Так как я принадлежу к числу приверженцев материалистического понимания истории, созданного К. Марксом и Ф. Энгельсом, то часть их заимствована из категориального аппарата исторического материализма. При этом некоторые из них в известной степени модифицированы. Другая часть понятий введена мною. В этом разделе будет раскрыто содержание лишь основных понятий. Все прочие будут определяться по мере введения их в оборот.

1.2.2. Общество и общества

Прежде всего следует принять во внимание, что слово «общество» имеет в научном языке, по меньшей мере, пять основных значений. Первое значение – конкретное отдельное общество, представляющее

¹ Подробно обо всем этом см.: Семенов Ю.И. Секреты Клио. Сжатое введение в философию истории. М., 1996.

собой относительно самостоятельную единицу исторического развития. Общество в таком понимании я буду называть *социально-историческим (социоисторическим) организмом*, или, сокращенно, *социором*.

Второе значение – пространственно ограниченная *система социально-исторических организмов, или социорная система*. Третье значение – все когда-либо существовавшие и ныне существующие социально-исторические организмы вместе взятые – *человеческое общество в целом*. Четвертое значение – *общество* вообще, безотносительно к каким-либо конкретным формам его реального существования. Пятое значение – общество определенного типа (особенное общество или тип общества), например, феодальное общество или индустриальное общество.

Для историка особое значение имеют три первых значения термина «общество». Социально-исторические организмы суть исходные, элементарные, первичные субъекты исторического процесса, из которых складываются все остальные, более сложные его субъекты. Самым высшим, предельным субъектом исторического процесса является *человеческое общество в целом*. Но вхождение социоисторических организмов в *человеческое общество в целом* было обычно опосредовано их включением в те или иные социорные системы, которые в свою очередь могли входить в социорные системы более высокого порядка и т. д. Предельной системой при этом было, конечно, *человеческое общество в целом*. Каждая из социорных систем любого иерархического уровня тоже была субъектом исторического процесса, что должно обязательно приниматься во внимание историками. В последующем изложении для обозначения различного рода социорных систем и занимаемых ими территорий будут введены специальные понятия: гнездовая система, историческая арена, историческая зона, историческое пространство и т. п.

Существуют разные классификации социально-исторических организмов (по форме правления, господствующей конфессии, социально-экономическому строю, доминирующей сфере экономики и т. п.). Но самой общей из них является подразделение социоисторических организмов по способу их внутренней организации на два основных типа.

Первый тип – социально-исторические организмы, представляющие собой союзы людей, организованные по принципу

личного членства, прежде всего родства. Каждый такой социор неотделим от своего личного состава и способен, не теряя своей идентичности, перемещаться с одной территории на другую. Такие общества можно было бы назвать демосоциальными организмами (демосоциорами). Они характерны для доклассовой эпохи истории человечества. Примерами могут послужить первобытные общины и многообщинные организмы, именуемые племенами и вождествами.

Границами организмов второго типа являются границы территории, которую они занимают. Они организованы по территориальному принципу и неотделимы от занимаемых ими участков земной поверхности. В результате личный состав каждого такого организма выступает по отношению к нему как особое самостоятельное явление – его население. Такого рода общества можно было бы назвать геосоциальными организмами (геосоциорами). Они характерны для классового общества. Обычно их называют государствами или странами.

1.2.3. Социально-экономический строй общества, общественно-экономический уклад, способ производства, общественно-экономическая формация и параформация

Согласно материалистическому пониманию истории в основе эволюции человеческого общества лежит развитие общественного производства (производства материальных благ), а базисом каждого социально-исторического организма является существующая в нем система социально-экономических (производственных) отношений. В дальнейшем я буду называть эту систему социально-экономическим строем общества.

Существует несколько качественно отличных типов социально-экономических отношений (рабовладельческие, феодальные и т.п.). Отношения определенного типа могут образовывать в обществе целостную систему — общественно-экономический уклад, а могут существовать в нем в качестве лишь придатка к существующим укладам – общественно-экономического подуклада.

Производство материальных благ всегда происходит в определенной общественной форме. Каждая социально-экономическая система определенного типа (общественно-экономический уклад)

представляет особую общественную форму, в которой осуществляется процесс созидания материальных благ. Производство, взятое в определенной общественной форме, есть не что иное, как способ производства. Способов производства существует столько, сколько существует общественно-экономических укладов. Когда производство осуществляется в оболочке не уклада, а общественно-экономического подуклада, мы имеем дело не со способом, а с тем или иным образом производства.

Каждый антагонистический способ или образ производства представляет собой особый способ эксплуатации или образ эксплуатации. Существуют и такие формы эксплуатации человека человеком, которые не представляют собой ни способа, ни образа производства. Эксплуатация в таком случае происходит не в процессе производства общественного продукта, который всегда одновременно является и процессом первичного распределения этого продукта, а после завершения этого процесса в ходе его перераспределения. Подобные формы эксплуатации я буду называть методами эксплуатации. Методы эксплуатации подразделяются на внутрисоциорные (интрасоциорные) и межсоциорные (интерсоциорные).

Так как согласно материалистическому пониманию истории социально-экономические отношения составляют базис, фундамент любого общества, то естественной для марксистов является классификация социально-исторических организмов по типу господствующих в них производственных связей. Тип общества, выделенный по такому признаку, принято называть общественно-экономической формацией. Но общественно-экономической формацией может быть назван не всякий социально-экономический тип общества, а только такой, который является одновременно стадией всемирно-исторического развития.

Кроме общественно-экономических формаций, существуют и такие социально-экономические типы общества, которые не представляют собой стадий развития человеческого общества в целом. Они могут быть стадиями развития лишь отдельных обществ. Эти типы общества, представляющие собой своеобразные дополнения к общественно-экономическим формациям, я буду называть общественно-экономическими параформациями (от греч. пара – возле, при).

Когда в социально-историческом организме существуют социально-экономические отношения только одного типа, то общество одноукладно. В применении к нему понятия «общественно-экономический уклад» и «общественно-экономический строй» совпадают. Но в социально-историческом организме могут одновременно существовать несколько общественно-экономических укладов, не говоря уже о подукладах. Такое общество многоукладно.

Обычно в таком обществе один из существующих в нем укладов является *господствующим, доминирующим*, остальные же – *подчиненными*. Господствующий уклад определяет характер социально-экономического строя общества в целом, а тем самым и тип общества, его формационную или пара-формационную принадлежность. Различие между господствующими и подчиненными укладами во многих случаях носит относительный характер. В процессе исторического развития тот или иной господствующий уклад может стать подчиненным, а подчиненный превратиться в доминирующий.

Однако не всякий подчиненный уклад может стать господствующим. И здесь мы сталкиваемся с иной классификацией укладов. Они подразделяются на такие, которые в принципе могут быть господствующими, и такие, которые никогда господствующими стать не могут. Первые уклады можно назвать *стержневыми*, вторые – *дополнительными*. Стержневые уклады могут быть единственными в обществе или господствующими в нем и определять тип общества. Они подразделяются на *формационные* и *параформационные*. Соответственно способы производства могут быть подразделены на *формационные, или основные, параформационные* и *дополнительные*².

Возможны ситуации, когда ни один из существующих в социально-историческом организме укладов не доминирует. В таком случае социально-исторический организм не может быть отнесен ни к одной формации или параформации. Такого рода общество чаще всего относится к числу переходных.

² Подробно об этом см.: Семенов Ю.И. Общественно-экономические уклады // Теория общественно-экономической формации. М., 1982. С. 126-164.

1.2.4. Собственность и социально-экономические отношения

Социально-экономические отношения суть один из двух видов отношений собственности. Другой их вид – *волевые отношения собственности (имущественные)*, принимающие в первобытном обществе форму моральных, а в классовом – правовых, или юридических, связей. *Экономические отношения собственности* являются не волевыми, а материальными. Они реально существуют только в отношениях *распределения* и обмена.

Собственность есть не вещь и не отношение человека к вещи, взятое само по себе. Собственность есть отношение между людьми, но такое, которое проявляется в их отношении к вещам. Или, иначе, собственность есть отношение людей к вещам, но такое, в котором проявляются их отношения друг к другу. Собственность – такое отношение людей по поводу вещей, которое наделяет и людей, и вещи особыми социальными качествами: делает людей собственниками, а вещи – их собственностью. Каждая вещь в человеческом обществе всегда обладает этим социальным качеством. Она всегда является не только потребительной ценностью, но обязательно одновременно и чьей-то собственностью (индивида, группы индивидов или даже общества в целом).

Важнейшей категорией является понятие *ячейки собственности (собъядчейки)*. Такую ячейку образует собственник вместе с принадлежащими ему вещами. Каждая такая ячейка отделена от других границей, разумеется, социальной. Вещи могут пересекать эту границу, перемещаться из одной съядчейки в другую. Это движение вещей является чисто социальным, хотя, конечно, оно может сопровождаться и физическим их передвижением.

Для понимания социально-экономической структуры общества огромное значение имеют понятия «*пользование*» и «*распоряжение*». Экономисты их, как правило, не употребляют. Эти понятия обычно находятся в арсенале юристов, которые раскрывают понятие права собственности через понятия «право владения», «право пользования» и «право распоряжения». Конечно, в такой формулировке все это относится лишь к волевым отношениям собственности. Но подобно тому, как, кроме права собственности, существует и сама собственность, причем в качестве не только волевого, но и

экономического отношения, точно так же, кроме прав пользования и распоряжения, существуют реальное пользование и реальное распоряжение, причем опять-таки в качестве не только волевых, но и экономических явлений.

Так как эти понятия введены правоведами, то начать рассмотрение придется с их юридического аспекта. Право пользоваться вещью есть право употреблять ее для своих надобностей, для удовлетворения своих собственных нужд и интересов. А само пользование есть реализация этого права. Пока все это не выходит за пределы волевых отношений, причем отношений к вещи. Но уже само понятие права говорит о том, что здесь как само собой разумеющееся имеется в виду и отношение между людьми. Наличие у человека права на что-то предполагает признание за ним этого права окружающими его людьми. Пользование не есть отношение только к вещи. Оно есть отношение людей по поводу вещей. Поэтому его нужно четко отличать от отношения человека только к вещи – потребления вещи, ее использования. Когда рабу выдают орудие труда, он не получает его в пользование. Никакого права на него он не имеет. Он получает это орудие для того, чтобы использовать его для удовлетворения нужд рабовладельца. Но если рабу выделяют участок земли и потребные средства труда с тем, чтобы после уборки урожая он часть его отдал хозяину, а остальное оставил себе, то в данном случае мы сталкиваемся не только с использованием, но и пользованием. В последнем случае возникает особая ячейка пользования с определенными границами, конечно, социальными, и эта ячейка является, прежде всего, экономической.

Право распоряжения есть прежде всего право отчуждения вещи, право на ее передачу из одной ячейки собственности в другую. Распоряжение, помимо обмена, проявляется и в распределении. А распределение и обмен суть явления прежде всего экономические, хотя и не только. Каждый акт обмена в классовом обществе всегда выступает и как акт юридический – сделка. Вообще экономические отношения собственности не существуют без волевых отношений собственности, равно, как последние без первых. Собственность как экономическое отношение и собственность как волевое отношение невозможны друг без друга.

Отношения собственности в норме включают в себя отношения распоряжения и пользования в качестве своих моментов. В определенных условиях возможно расщепление собственности и тем

самым раздельное существование отношений собственности, распоряжения и пользования. Один человек может быть собственником вещи, а другой только ее распорядителем и пользователем, но не собственником. Еще один вариант: человек является лишь пользователем вещи, но не ее собственником и даже распорядителем. И таких вариантов можно перечислить несколько.

С собственностью в полном и точном смысле слова мы сталкиваемся тогда, когда собственник, распорядитель и пользователь полностью совпадают. Когда человек является только распорядителем и пользователем, но не собственником, перед нами своеобразная форма отношений людей по поводу вещей, которую можно охарактеризовать как подсобственность. Если же человек – только пользователь, но не распорядитель и тем более собственник, мы имеем дело с подподсобственностью.

Таким образом, наряду с ячейками собственности могут существовать ячейки распоряжения и пользования и ячейки только пользования. Пример ячейки пользования, не являющейся ячейкой собственности, был уже приведен. Раб может быть пользователем средств производства, включая землю, но распорядителем и собственником остается при этом рабовладелец.

Ячейки собственности, распоряжения и пользования суть узлы не только в системе волевых (в классовом обществе – правовых) отношений собственности, но прежде всего в системе экономических отношений. Именно внутри этих ячеек и между этими ячейками происходит распределение и обмен. Только введение понятий распоряжения и пользования позволяет понять суть отношений распределения и обмена.

Распределение суть либо *оставление* общественного продукта в собственности, распоряжении или пользовании людей, либо его *переход* в собственность, распоряжение или пользование людей, результатом которого является получение каждым членом общества определенной доли этого продукта. *Обмен* есть *переход* вещей из собственности одних лиц в собственность других (из одних ячеек собственности в другие), возмещаемый встречным движением материальных ценностей или их знаков (бумажных денег, например).

Как уже отмечалось, всякий продукт труда всегда является потребительной ценностью и собственностью. Любые вещи создаются одновременно как потребительная ценность и чья-то собственность.

Поэтому процесс собственно производства вещей всегда является одновременно и процессом поступления вещей в чью-то собственность, т. е. процессом распределения. Таким образом, отношения собственности проявляются не только в процессах собственно распределения и обмена, но и в процессе собственно производства. И, присутствуя в процессе собственно производства, отношения собственности делают его отношением людей не только к природе, но и друг к другу, т.е. общественным отношением.

Рассмотренное выше распределение можно было бы назвать *первичным*. Оно есть распределение всего созданного в процессе производства: и средств производства, и предметов потребления. Когда весь общественный продукт или, по крайней мере часть его, создается работниками как чужая собственность, процесс собственно производства является одновременно и процессом эксплуатации человека человеком.

После первичного распределения в большинстве случаев происходит собственно распределение как особый процесс, отличный от процесса собственно производства. Раб получает содержание: пищу, одежду, рабовладелец – доход. Капиталист получает прибыль, рабочий – заработную плату. Это распределение можно было бы назвать *вторичным*.

В тех обществах, где в результате вторичного распределения долю общественного продукта получает лишь часть членов общества (в обществах без частной собственности – работники, в обществах с частной собственностью – собственники средств производства и работники), существует *третичное* распределение. Это распределение в отличие от первичного и вторичного происходит в рамках не социально-исторического организма, а в существующих внутри его особых ячейках. Чаще всего такими ячейками являются семьи. Отношения третичного распределения являются хотя и экономическими, но не социально-экономическими, не производственными. Поэтому политэкономией они не изучаются. Их можно было бы назвать *приватно-экономическими* отношениями.

Третичное распределение всегда происходит *по потребностям*, сообразно потребностям. Таким было и вторичное распределение в раннем первобытном обществе. В позднем первобытном обществе возникло *распределение по труду*. На смену ему пришло столь

характерное для классового общества *распределение по собственности*.

В классовых обществах в основе первичного распределения созданного продукта лежит распределение средств производства, которое уже существовало к началу цикла. Распределение используемых средств производства определяет распределение вновь создаваемых средств производства. Таким образом, собственно производство является воспроизводством не только вещей, но и социально-экономических отношений, в рамках которых оно осуществляется. В этих же обществах отношения собственности на факторы производства (средства производства и рабочую силу) определяют вторичное распределение.

Поэтому во всех классовых обществах отношения по распределению средств производства или, что то же самое, отношения собственности на средства производства, образовывали внутри системы производственных отношений особую подсистему, игравшую роль детерминанты по отношению ко всем остальным социально-экономическим связям. Эти отношения очень часто в литературе определяли как отношения в процессе производства и противопоставляли отношениям распределения обмена.

Другая ошибка состояла в том, что такую структуру системы социально-экономических отношений рассматривали как всеобщую, присущую всем обществам без исключения. В действительности же, например, в раннем первобытном обществе отношения собственности на средства производства не образовывали особой подсистемы и не определяли характер прочих социально-экономических отношений.

В идеале за распределением, в результате которого каждый член общества получает в собственность, распоряжение или пользование причитающуюся ему долю общественного продукта, должно наступить потребление этого продукта. Так как продукт исчезает, то он должен быть воспроизведен. Процесс производства есть процесс постоянного воспроизводства. В некоторых обществах действительно собственно производством, распределением и потреблением исчерпываются все действия с общественным продуктом. В таких обществах никаких других социально-экономических отношений, кроме отношений распределения, которые одновременно являются и экономическими отношениями собственности, не существует.

Однако в большинстве обществ к этим действиям прибавляется обмен и, соответственно, отношения обмена, которые могут приобретать самые разнообразные формы. Вопреки мнению значительного числа специалистов, товарообмен всего лишь одна из многих форм обмена. Отношения обмена могут существовать рядом с отношениями распределения, образуя особую сферу, отличную от сферы распределения. Однако это имеет место не всегда. При капитализме, например, распределение может происходить в форме обмена. Получение рабочим заработной платы есть несомненно акт распределения. Но это же действие представляет собой заключительный момент акта товарообмена между капиталистом и рабочим: капиталист платит рабочему за рабочую силу, которую он на время у него купил.

Во многих обществах, наряду с распределением и обменом, существует также еще и перераспределение, принимающее самые разнообразные формы. К числу отношений перераспределения, входящих в систему социально-экономических отношений того или иного общества, относятся интрасоциальные методы эксплуатации, оплата различного рода личных услуг и т. п. Что же касается налогов, то они в разных обществах играют различную роль: в социально-исторических организациях одного типа они относятся к числу отношений распределения (пример: рента-налог в обществах с азиатским способом производства), в других – к отношениям перераспределения (например, налоги при капитализме).

1.2.5. Общественное производство и производительные силы общества

Собственно производство, распределение, обмен и потребление образуют единый процесс, который чаще всего именуют производством в широком смысле слова или просто общественным производством. Отношения распределения и обмена, которые в своей сущности являются отношениями собственности, образуют внутреннюю структуру производства, общественную форму, в которой протекает процесс собственно производства. Собственно производство есть процесс создания общественного продукта определенной силой, которую принято называть *производительной силой* общества. Этой

силой являются люди, вооруженные средствами труда и умеющие привести их в движение.

Производительная сила общества может быть различной: большей или меньшей. Она может возрастать, а может и уменьшаться. Это дает основание ввести понятие *уровня развития* производительной силы или, как чаще говорят, производительных сил общества. Именно уровень развития производительных сил общества был главным фактором, определявшим тип существующих в обществе социально-экономических отношений. Другим фактором была внутренняя структура производительных сил.

Уровень развития производительных сил того или иного социально-исторического организма измеряется величиной созданного в нем общественного продукта в расчете на душу его населения. Этот показатель можно было бы назвать *продуктивностью общественного производства*. Существуют различные способы повышения продуктивности общественного производства³.

1.2.6. Ячейки собственности, хозяйственные ячейки, иждивенческо-потребительские ячейки, хозяйственные организмы

Все сказанное выше позволяет перейти к анализу ячеек собственности, представляющих собой важнейший элемент системы социально-экономических отношений:

Когда в ячейку собственности входят средства производства, она представляет собой производственную единицу: в ней создается общественный продукт. Такую ячейку собственности можно назвать *хозяйственной*, или *экономической*, *ячейкой* (*хозяйчейкой*, или *экономячейкой*). Экономячейка может совпадать с социально-историческим организмом. В таком случае она одновременно является и *хозяйственным*, или *экономическим*, *организмом* (*хозорганизмом*, или *экономорганизмом*), т. е. таким экономическим образованием, которое в принципе может существовать и функционировать независимо от других таких же образований. Если при этом все члены социоисторического организма, вместе взятые, являются

³ Об всем этом см.: Семенов Ю.И. Об особенностях развития производительных сил докапиталистических классов обществ // Философские науки. 1985. № 1.

собственниками средств производства и предметов потребления, перед нами *общественная собственность* в ее наиболее чистом виде.

Когда экономическая ячейка не совпадает с социоисторическим организмом, в состав последнего входит не одна, а несколько хозяйственных ячеек. В таком случае экономическим организмом является объединение экономических ячеек, которое может совпадать, а может не совпадать с социально-историческим организмом. Если в хозяйственной ячейке, входящей наряду с несколькими другими такими единицами в социор, не происходит эксплуатация человека человеком, ее можно назвать ячейкой *обособленной собственности*. Обособленная собственность может быть *персональной*, когда собственником является один человек, и *групповой*, когда несколько человек совместно владеют средствами производства.

Если в экономической ячейке процесс производства одновременно является и процессом эксплуатации, перед нами – ячейка частной собственности. С чисто юридической точки зрения частная собственность – такое отношение собственника к вещам, которое в идеале предполагает его безраздельное господство над ними. Все остальное не имеет значения. Частная собственность как экономическое отношение есть нечто иное.

Частная собственность как экономическое отношение есть такая собственность одной части членов общества, которая позволяет ей присваивать труд другой (и обязательно большей) части его членов. Эти две части общества, отличающиеся друг от друга местом, занимаемом ими в определенном общественно-экономическом укладе (конкретнее: отношением к средствам производства, способом получения и размерами получаемой доли общественного продукта), а нередко также ролью в организации труда, представляют собой не что иное, как *общественные классы*. Каждый антагонистический общественно-экономический уклад с неизбежностью предполагает существование двух общественных классов. Это – *парно-антагонистические классы*.

Как уже указывалось, в обществе, кроме антагонистических укладов, которые всегда являются стержневыми, могут существовать дополнительные уклады, как правило, антагонистическими не являющиеся. И люди, связанные с каждым из таких дополнительных укладов, образуют особый общественный класс, ибо занимают особое место, но только не внутри какого-либо уклада как

парно-антагонистические классы, а в социально-экономическом строе общества в целом. Примером может послужить мелкая буржуазия в капиталистическом обществе. Такого рода классы можно было бы назвать *одиночными*. В результате существования в обществе нескольких различного рода укладов число общественных классов в нем может доходить до пяти. Кроме того, в обществе всегда имеются люди, не входящие в состав ни одного класса. Частная собственность является *полной*, когда члены господствующего класса безраздельно владеют средствами производства, а члены другого класса целиком отчуждены от них. Таковы рабовладельческая и капиталистическая частная собственность.

Но частная собственность может быть расщеплена на *верховную частную собственность* членов господствующего класса и *подчиненную обособленную собственность* членов эксплуатируемого класса. Такова, например, феодальная частная собственность. Верховная частная собственность всегда является собственностью не только на средства производства, но и на личности непосредственных производителей. Последние – подчиненные собственники не только средств производства, но и своей личности.

Кроме верховной частной собственности на личность производителя, может существовать и полная собственность на нее, как это имело место при рабовладельческом способе производства. Рабовладельческая экономическая ячейка была единицей полной собственности как на все средства производства, так и на личности работников, входивших в нее. Таким образом в ячейку собственности, кроме собственника (собственников) могут входить и иные люди. Однако они не обязательно должны входить в нее в качестве объектов собственности. Они могут быть, например, и наемными работниками.

Частная собственность может различаться и по тому, как конкретно члены господствующего класса владеют средствами производства (а иногда и работниками). Частными собственниками могут быть члены этого класса, взятые по отдельности. Это – *персональная частная собственность*. Частная собственность может быть *групповой*. Такова, например, акционерная собственность при капитализме.

И, наконец, средствами производства (и работниками) могут владеть все члены господствующего класса, только вместе взятые, но ни один из них в отдельности. Это – *общеклассовая частная собственность*. Общеклассовая частная собственность всегда

приобретает форму *государственной*, что с неизбежностью обуславливает совпадение класса эксплуататоров, если не со всем составом государственного аппарата, то во всяком случае с его ядром. Описанный способ производства известен под названием азиатского. Точнее было бы назвать его *политарными* (от греч. полития, политея – государство) или просто *политаризмом*.

Так как *политаристы* владели средствами производства и производителями материальных благ только сообща, то все они вместе взятые входили в особую иерархически организованную систему распределения прибавочного продукта – *политосистему*. Глава этой системы, а тем самым и государственного аппарата, был верховным распорядителем общеклассовой частной собственности и, соответственно, прибавочного продукта. Этого человека, роль которого была огромна, можно было бы назвать *политархом*⁴.

Продолжая анализ социально-экономической структуры общества, необходимо принять во внимание такой вариант, когда в ячейку собственности входят только предметы потребления, но не средства производства. В таком случае в ней может иметь место только третичное распределение и потребление. В эти ячейки обычно входят не только собственники предметов потребления, но и люди, находящиеся на их иждивении. Данные ячейки собственности можно назвать *потребительскими* или *иждивенческо-потребительскими*. Связанную с ними собственность нередко называют личной, что не очень точно, ибо она может быть не только *персональной*, но и *групповой*. Лучшее для нее название — *отдельная собственность*.

Нередкий случай – совпадение хозяйственной ячейки с иждивенческо-потребительской. Особенно часто совпадают с иждивенческо-потребительскими ячейки обособленной собственности. В таком случае отдельная собственность отсутствует. Существует лишь обособленная собственность одновременно как на средства производства, так и на предметы потребления.

Ячейка частной собственности (исключая ячейки общеклассовой частной собственности) в идеале подразделена на две субъединицы. Одну из них образует частный собственник вместе с принадлежащими

⁴ Подробно об этом см.: Семенов Ю.И. Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии // Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1980.

ему средствами производства и людьми, которые используют их для создания прибавочного продукта. Данная субъчейка частной собственности образует экономическую ячейку общества.

Другая субъчейка: частный собственник вместе с членами своей семьи и другими иждивенцами. Она представляет собой своеобразную разновидность иждивенческо-потребительской ячейки – *владельческо-иждивенческую* ячейку. Последняя существует за счет продукта, поступающего из входящей в одну с ней Ячейку частной собственности хозяйственной ячейки.

Сама частнособственническая хозяйственная ячейка может быть одновременно и потребительской ячейкой для тех людей, которые подвергаются в ней эксплуатации. Это характерно, например, для рабовладельческого способа производства. Но это не обязательно. Работник может входить в состав особой потребительской или иждивенческо-потребительской ячейки, причем в качестве собственника или одного из собственников предметов потребления. Существует такая ячейка за счет дохода, получаемого работником из той частнособственнической хозяйственной ячейки, в составе которой он трудится.

Отличие общественно-экономического подуклада от уклада состоит в том, что он не обладает своими собственными хозяйками. Каждый общественно-экономический уклад, будь это стержневой или дополнительный, имеет специфические для него экономические ячейки. Для каждого стержневого общественно-экономического уклада характерно также существование своего собственного экономического организма. Что же касается дополнительных укладов, то они своих собственных хозяйственных организмов не имеют. Их хозяйственные ячейки вкраплены в состав экономического организма одного из существующих наряду с ними стержневых укладов, чаще всего господствующего.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ.

ОБЩИЙ ХОД МИРОВОЙ ИСТОРИИ

2.1. Период праобщества и праистории (1,6 млн – 35 тыс. лет)

Человек выделился из животного мира. Как сейчас твердо установлено, между животными предшественниками человека, с одной стороны, и людьми, какими они являются сейчас (*Homo sapiens* или *Homo sapiens sapiens*), с другой, лежит период становления человека и общества (антропосоциогенеза). Люди, жившие в эту эпоху, были людьми еще только формирующимися (*пралюдьми*). Только еще формирующимся было и их общество. Его можно было бы назвать *праобществом*.

Одни ученые принимают за первых людей (*пралюдей*) *хабилисов*, пришедших на смену австралопитекам примерно 2,5 млн лет назад, другие считают первыми людьми *архантропов* (питекантропов, синантропов, атлантропов и т.п.), сменивших *хабилисов* примерно 1,6 млн лет назад. По-видимому, более близка к истине вторая точка зрения, ибо только с *архантропами* начали формироваться язык, мышление и социальные отношения. Что же касается *хабилисов*, то они были не *пралюдьми*, а *предлюдьми*, но не *ранними*, как австралопитеки, а *поздними*. Процесс антропосоциогенеза завершился Примерно 35-40 тыс. лет тому назад, когда на смену формирующимся людям (*пралюдям*) и формирующемуся обществу (*праобществу*) пришли готовые, сформировавшиеся люди и готовое, сформировавшееся человеческое общество.

Таким образом, история человечества прежде всего подразделяется на два основных периода: (1) *историю праобщества (праисторию)* и (2) *историю собственно человеческого общества*.

Все находки *хабилисов* сделаны в Африке южнее Сахары. В отличие от *хабилисов* *архантропы* широко распространились по всему Старому свету. Как твердо установлено, они жили в Северном Китае, Вьетнаме, на Яве, в Индии, Пакистане, Закавказье, Сирии, Ливане, Палестине, Южной и Восточной Африке, Магрибе, Западной и Центральной Европе. Очень вероятно, что в ареал их обитания входили также Южный Китай, Бирма, Лаос, Камбоджа, Афганистан, Иран, Ирак, Турция, юг Средней Азии, Казахстана и Восточной Европы.

В периоде праобщества довольно явственно выделяются два основных этапа: этап архантропов, начавшийся 1,6 млн лет назад и закончившийся 0,3–0,2 млн лет назад, и сменивший его этап палеоантропов, начавшийся 300–200 тыс. лет назад и завершившийся 35–40 тыс. лет назад. Палеоантропы продвинулись на территории, которые не смогли заселить их предки. В Африке они освоили области тропических лесов, полупустынь и пустынь. Бесспорно их существование в Южном Китае, по всей Юго-Восточной Азии, в Афганистане, Иране, Ираке, Турции, на Кавказе. Продвигаясь на север, палеоантропы заселили Среднюю Азию, Казахстан, юг Сибири (Алтай, Хакасию, Туву, Южное Приангарье) и Дальнего Востока (бассейны Амура и Зеи), Монголию, Корею и Японию. В их ареал вошла значительная часть Восточной Европы. Они прочно освоили территорию европейской части СНГ, расположенную южнее 50° северной широты, вплоть до Волги. Отдельные памятники материальной культуры палеоантропов в бассейне Десны, в верховьях Оки, Среднем

Поволжье и других местах находятся и севернее, вплоть до 55°. Обнаружение орудий палеоантропов на р. Чусовая (Пермская область) свидетельствует, что они проникали и дальше на север и восток. Соединительным звеном между европейскими и азиатскими местонахождениями орудий палеоантропов является стоянка Мысовая на Южном Урале.

С этапом палеоантропов связано появление памятников, свидетельствующих об утверждении в праобщинах этих пралюдей коммуналистических отношений распределения, развитии рационального мышления, формировании различных норм поведения, зарождении магии, тотемизма и зачатков искусства.

2.2. Эпоха первобытного (доклассового) общества или палеоистории (35–6 тыс. лет)

Не только архантропы, но и палеоантропы обитали только в Старом Свете. Люди современного физического типа, неантропы, появившись, почти сразу освоили Америку и Австралию.

Важнейшей вехой развития сформировавшегося человеческого общества является возникновение общественных классов и государства или, как любят сейчас говорить, цивилизации. Первые классовые

общества, или цивилизации, возникли в конце IV тысячелетия до н. э. Таким образом, период существования и развития человеческого общества прежде всего подразделяется на (1) *эпоху доклассового, или первобытного, общества*, и (2) *эпоху классового, или цивилизованного, общества*. После появления классовых обществ первобытные общества полностью не исчезли. Они вплоть до наших дней продолжали существовать наряду с классовыми, что, разумеется, не могло на них не сказаться. Чтобы учесть это различие, крупнейший специалист по первобытной истории А. И. Перциц предложил назвать первобытные общества, какими они были до появления классовых, – *аполитейными* (от греч. апо – до и политеа, или полития, – государство), а первобытные общества, продолжавшие существовать после возникновения классовых, – *синполитейными* (от греч. син – одновременный)⁵.

Говоря о первобытной эпохе и первобытной истории, я всегда буду иметь в виду исключительно лишь аполитейное общество и его историю (палеоисторию). Палеоистория существенно отличалась от всей последующей истории человечества (неоистории). И одно из различий, разумеется, не самое главное, состоит в том, что об этой эпохе не существует никаких письменных сведений. Ни палеоантропология, ни археология, сами по себе взятые, ничего не могут сказать об общественных отношениях той эпохи. Единственный источник сведений об этих общественных отношениях – этнология или этнография – наука, один из разделов которой – социальная этнология первобытности (на Западе это – социальная антропология), специализируется на изучении синполитейных первобытных обществ. Любая схема эволюции первобытного общества всегда представляет собой реконструкцию, основанную прежде всего на данных, которыми располагает этнология о синполитейных первобытных обществах.

При общем подходе к истории доклассового, или первобытного, общества принято прежде всего выделять стадию *собственно первобытного общества* и стадию общества, переходного от собственно первобытного к классовому. В последнее время за этим переходным обществом закрепилось название *предклассового общества*.

⁵ См.: Первобытная периферия классовых обществ. М., 1978. С.5.

В свою очередь, стадию собственно первобытного общества нередко подразделяют на этап раннего первобытного (раннепервобытного) общества и этап позднего первобытного (позднепервобытного) общества.

Для раннего первобытного общества была характерна совместная собственность всех членов первобытной общины вместе взятых как на все предметы потребления, так и на средства производства. Эта общественная собственность проявлялась в том, что все члены раннепервобытной общины имели право на продукт, добытый любым из них, исключительно лишь в силу принадлежности к этому коллективу. Других оснований не требовалось. Весь созданный продукт распределялся между всеми членами общины сообразно их потребностям. Действовал принцип: от каждого – по способностям, каждому – по потребностям. В раннем первобытном обществе существовали первобытно-коммунистические, или коммуналистические, отношения распределения и тем самым собственности, и, соответственно, коммуналистический способ производства. Раннее первобытное общество было *первобытно-коммунистическим*, или *коммуналистическим*.

Смена раннего первобытного общества поздним связана с появлением распределения по труду, которое постепенно вытесняет коммуналистическое распределение. Происходит раздвоение экономики на жизнеобеспечивающую и престижную. Престижно-экономические отношения приобретают такое значение, что позднепервобытное общество можно было бы охарактеризовать как *первобытно-престижное*. Возникновение распределения по труду и престижной экономики с необходимостью предполагало появление наряду с общественной собственностью отдельной собственности членов общества и соответственно имущественного и социального неравенства⁶.

Еще на стадии первобытно-престижного общества стали возникать различные методы и образы эксплуатации. На ступени предклассового общества уже существовали такие методы эксплуатации, как систематический военный грабеж, данничество, посредническая

⁶ См.: Семенов Ю.И. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. Ч. 1-3. М., 1993.

торговля и ростовщичество, а также помогодоминарный (от лат. *dominari* – господствовать) и заемнодоминарный образы эксплуатации. Шло формирование политарного способа производства. Становящийся политаризм можно было бы назвать протополитаризмом. Протополитарный способ производства был одним из основных на стадии предклассового общества. Близок к нему был протонобиларный (от лат. *nobilis* – знатный) способ производства, который отличался от протополитарного тем, что при нем каждому члену эксплуататорской элиты выделялась определенная доля совместной собственности, что часто вело к ее полному разделу. Существовали еще две основные формы эксплуатации, которые в зависимости от условий выступали то как образы, то как способы производства.

Одна из них – *доминатный* или *доминарный* способ (образ) производства. Суть его заключается в том, что эксплуатируемый полностью работает в хозяйстве эксплуататора. Этот способ выступает в пяти вариантах, которые часто являются и его составными частями. В одном случае человек работает только за содержание (кров, пища, одежда). Это – *доминарно-приживальческий* или просто *приживальческий* подспособ (подобраз) эксплуатации (1). Нередко поступление женщины в такого рода зависимость оформляется как заключение брака. Это – *брако-приживальчество* (1). Человек может работать за определенную плату. Этот вариант можно назвать *доминарно-наймитским* или просто *наймитским* (3). Человек может оказаться в чужом хозяйстве в качестве заложника или несостоятельного должника. Это – *доминарно-кабальный* подспособ (подобраз) (4). И, наконец, еще одним является *доминарно-рабовладельческий* подспособ (подобраз) эксплуатации (5). Рабство как вариант, составной элемент доминарного способа (образа) эксплуатации качественно отличается от рабства как самостоятельного способа производства. В литературе его обычно именуют домашним или патриархальным рабством.

Другим ранним основным способом (образом) производства был *магнатный* или *магнарный* (от лат. *magna* – великий, ср.-лат. *magnat* – владыка). Он выступал в трех вариантах, которые нередко являлись одновременно и его составными элементами. При этом способе (образе) основное средство производства — земля, находившаяся в полной собственности эксплуататора, передавалась в обособленное пользование работника, который более или менее самостоятельно вел

на ней хозяйство. Случалось, что непосредственный производитель получал от эксплуататора не только землю, но и все средства труда. Работник обычно отдавал собственнику земли часть урожая, а нередко также трудился в собственном хозяйстве эксплуататора.

Таким работником мог стать раб, посаженный на землю. Это *магнарно-рабовладельческий* вариант магнарного способа производства (1). Им мог стать человек, оказавшийся в зависимости от владельца земли в результате задолженности. Это *магнарно-кабальный* подспособ (подобраз) эксплуатации (2). И, наконец, им мог стать человек, взявший участок земли в аренду и оказавшийся в результате этого не только в экономической, но и в личной зависимости от владельца земли. Это – *магнарно-арендный* подспособ (подобраз) эксплуатации (3).

Очень часто доминарный и магнарный способы производства срастались друг с другом, образуя по существу единый *доминомагнарный* способ производства. Доминаристы при этом одновременно были и магнаристами.

Различные предклассовые общества существенно отличались друг от друга по своей социально-экономической структуре. Были общества, в которых существовал один лишь формирующийся крестьянско-общинный (пракрестьянско-общинный) уклад. Различного рода отношения эксплуатации, если и существовали, то лишь в качестве придатков к этому господствующему укладу. Такие общества можно было бы назвать пракрестьянскими (1). В других обществах господствующим был протополитарный уклад. Это – протополитарные общества (2). Наблюдались общества с доминированием протонобиларных отношений. Это – протонобиларные общества (3). Были социоисторические организмы, в которых господствовал доминомагнарный способ производства. Это – протодоминомагнарные общества (4). И, наконец, были общества, в которых сосуществовали и играли примерно одинаковую роль протонобиларная и доминомагнарная формы эксплуатации. Такие общества можно было бы назвать протонобило-доминомагнарными (5).

Ни один из этих типов предклассового общества не может быть охарактеризован как общественно-экономическая формация, ибо он не был стадией всемирно-исторического развития. Такой стадией было предклассовое общество, но оно тоже не может быть названо общественно-экономической формацией, ибо оно не представляло

собой единого социально-экономического типа. К разным социально-экономическим типам предклассового общества вряд ли применимо и понятие параформации. Они не дополняли какую-либо общественно-экономическую формацию, существовавшую в качестве стадии мировой истории, а все вместе взятые заменяли общественно-экономическую формацию. Поэтому их лучше всего было бы именовать общественно-экономическими проформациями (от греч. про – место).

Проформации не выступали по отношению друг к другу как стадии развития. Они были альтернативными вариантами предклассового общества. Их альтернативность наглядно проявлялась в том, что они могли превращаться друг в друга. Не только пракрестьянские общества превращались в протополитарные, но и протополитарные могли трансформироваться в пракрестьянские. Протонобиларные общества преобразовывались в протонобиларно-доминомагнарные, а последние – в протодоминомагнарные. В свою очередь протодоминомагнарные общества могли стать протонобиломагнарными. Не исключена была и возможность трансформации протополитарных обществ в протонобиларные,⁷ а протоноби-лодоминомагнарных в протополитарные⁷.

Во всех проформациях, исключая пракрестьянскую, шли процессы становления частной собственности и общественных классов. Но из четырех оставшихся только одно общество способно было превратиться в классовое без воздействия извне более развитых (а именно классовых) социоисторических организмов. Таким было протополитарное. Трансформация остальных с неизбежностью предполагала такое внешнее влияние. Поэтому первые классовые общества могли быть только политарными.

Материальные условия для подъема на уровень классового общества были созданы таким крупным переломом в развитии производительных сил человечества, каким была *агрикультурная (аграрная) революция* – переход от охоты и собирательства к

⁷ Подробнее см.: Семенов Ю.И. Проблема перехода от первобытного общества к классовому: пути и варианты развития // Этнографическое обозрение. 1993. № 2 и 3; Он же. Война и мир в земледельческих предклассовых и ранних классовых обществах // А. И. Першиц, Семенов Ю.И., В.И. Шнирельман. Война и мир в ранней истории человечества. Т. 2. М., 1994. С. 7-41.

земледелию и животноводству. Первые очаги земледельческо-животноводческого хозяйства появились примерно в IX–X тысячелетиях до н. э. на территории Передней Азии.

2.3. Эпоха Древнего Востока (IV – II тысячелетия до н. э.)

Первые классовые общества возникли как небольшие острова в море первобытного общества. Это произошло в конце IV тысячелетия до н. э. почти одновременно в двух местах земного шара. В долине Нила классовое общество возникло в форме крупного социально-исторического организма, в междуречьи Тигра и Евфрата в качестве региональной системы, состоявшей из нескольких десятков небольших социально-исторических организмов (городов-государств) с общим языком и культурой. Общим термином для обозначения этих двух видов бытия классового общества могло бы быть словосочетание «*историческое гнездо*». Таким образом, можно говорить о египетском гнездовом социоисторическом организме и шумерской гнездовой соционной системе. И египетское, и шумерское классовые гнезда были *первичными* классовыми обществами.

Процесс дальнейшего перехода человечества от первобытного общества к классовому шел в двух формах.

Первая – появление новых одиночных исторических гнезд, новых островов в море первобытного общества. В первой половине III тысячелетия до н. э. новое историческое гнездо возникло в долине Инда – цивилизация Харappy или индская. На тысячелетие позже появилось историческое гнездо в долине Хуанхэ – древнекитайская цивилизация. И хотя и индское, и древнекитайское классовые общества появились тогда, когда на земле уже несколько веков существовали другие цивилизации, они возникли не под влиянием последних. И в этом смысле они, не в меньшей степени, чем Шумер и Египет, могут быть названы *первичными* цивилизациями.

Вторая форма – появление новых исторических гнезд по соседству со старыми историческими гнездами и в значительной степени под влиянием последних. Эти классовые общества были уже *вторичными*. Этот процесс первоначально имел место лишь на Ближнем Востоке. Следствием было появление огромной системы исторических гнезд,, охватывавшей весь этот регион. Она простиралась от Египта на западе

до Элама на востоке. Во II тысячелетии до н. э. в нее была втянута и часть Европы – возникла микенская цивилизация. Такое пространство, включавшее в себя множество тесно связанных исторических гнезд, в последующем изложении будет именоваться *исторической ареной*. Ближневосточная историческая арена уже не может быть названа островом в море первобытного общества. Это был целый континент, причем первый такого рода.

Занимая лишь ограниченную часть земного шара, ближневосточная система социально-исторических организмов, тем не менее, являлась системой *мировой*. Ее мировое значение проявилось в том, что ее существование и эволюция подготовили и сделали в дальнейшем возможным подъем человечества на следующую ступень исторического развития. Об Индии и Китае этого сказать нельзя. Они могли быть, могли не быть, но вплоть до нового времени их существование не могло сколько-нибудь существенно сказаться на мировой истории. В течение III и II тысячелетий до н. э. ближневосточная арена, которая была не только первой, но и единственной существующей в то время исторической ареной, была *центром мирового исторического развития*.

Все возникшие в IV–II тысячелетиях до н. э. социально-исторические организмы относились к одному и тому же типу.

Господствующими в них был азиатский или политарный способ производства. Соответственно, общество Древнего Востока относилось к политарной общественно-экономической формации. Политаризм возник из предшествовавшего ему протополитаризма.

Характерным для политарных обществ был циклический характер их развития. Они возникали, расцветали, а затем приходили в упадок и иногда гибли. Так, например, погибли индская и микенская цивилизации. На территориях, которые они занимали, произошел возврат на стадию предклассового общества.

Там, где классовое общество продолжало существовать, гнездовые социоисторические организмы распались и превращались в гнездовые системы социоисторических организмов; последние могли снова слиться в один социально-исторический организм. Возникали грандиозные военные державы, включавшие в свой состав большое число исторических гнезд. Просуществовав некоторое время, они исчезали, уступая место новым, которых постигала та же участь.

Характерным для ближневосточной мировой арены было постоянное изменение политической карты.

Возникновение политарного общества было огромным прогрессом в развитии человечества. Появились монументальные архитектурные сооружения (храмы, дворцы, пирамиды и т. п.). Возникла идеографическая письменность, что в огромной степени способствовало развитию духовной культуры. Зародилась преднаука: математика, астрономия. Появились школы, в которых учили письму, счету, знакомили с определенным запасом знаний, готовили профессионалов-писцов. Письмо стало использоваться для записи произведений словесности, в частности эпических («Эпос о Гильгамеше» и др.). Начали фиксироваться правовые нормы (Кодекс царя Хаммурапи и др.).

2.4. Античная эпоха (VIII в. до н. э. – V в. н. э.)

Вплоть до начала I тысячелетия до н. э. появлялись и существовали классовые общества только политарного типа. В VIII в. до н. э. начали возникать классовые общества иного вида. Их обычно называют античными. Первым античным обществом было древнегреческое. На территории Греции ранее уже существовало классовое общество политарного типа – микенская цивилизация. Но античное общество возникло не из предшествовавшего политарного и не в результате его трансформации. Возникшее в XVI в. до н.э. ахейское политарное общество в XII в. до н. э. погибло. Произошел возврат на стадию предклассового общества. И античное классовое общество возникло из этого предклассового, варварского общества. В VIII в. до н. э. классовое общество на территории Греции возникло заново, во второй раз. И возникло оно, как и любое политарное общество, из общества предклассового, варварского.

На этом основании многие авторы пришли к выводу, что от предклассового общества идут по меньшей мере две параллельные линии развития, одна из которых ведет к политарному обществу, а другая — к античному. В этом их убеждало и то обстоятельство, что на территории Италии, где несколько позднее тоже возникло общество античного типа, никаких политарных обществ ранее не существовало. Высшей формой, предшествовавшей античному обществу, там было предклассовое общество и никакое другое.

Но при этом они упускали из вида одно крайне важное обстоятельство. Древнегреческое общество формировалось в зоне интенсивного всестороннего воздействия мировой системы социоисторических организмов, существовавшей на Ближнем Востоке. Это существеннейшим образом сказалось на материальной и духовной культуре и на структуре античного общества. Оно творчески усвоило все достижения цивилизаций Ближнего Востока, прежде всего египетской и месопотамской (шумерской и вавилонской). В этом смысле между политарным и античным обществами существует глубочайшая преемственная, генетическая связь. И это давно уже было осознано историками.

«Прошли те времена, – писал еще в 1928 г. известный английский археолог Л. Вулли, – когда начало всех начал искали в Греции, а Грецию считали возникшей сразу, вполне законченной, точно Афина из головы олимпийского Зевса. Мы знаем теперь, что этот замечательный цветок вобрал в себя соки мидийцев и хеттов, Финикии и Крита, Вавилона и Египта. Но корни идут еще дальше: за всеми ними стоит Шумер»⁸. «Влияние Востока, – вторит археологу-ориенталисту Л. Вудли античник В. П. Яйленко, – не ограничивается сферой искусства – это был всеобъемлющий процесс воздействия восточной цивилизации на складывающуюся культуру архаической Греции»⁹. Роль Востока в формировании античного классового общества столь велика, что в настоящее время зарубежные историки говорят об ориентализационном периоде в истории древней Греции и даже об «ориентализационной революции»¹⁰.

Но речь должна идти не просто об усвоении и переработке всех предшествующих достижений политарного общества в области материальной и духовной культуры, без чего появление античного общества было совершенно немыслимым. Нужно принять во внимание мощное экономическое воздействие ближневосточной мировой системы на социально-экономический строй возникающих в Греции новых классовых обществ. К этому времени сложилась система мировой (по тогдашним меркам) торговли, в которую были сразу же

⁸ Woolly L. The Sumerians. Oxford, 1928. P. 193.

⁹ Яйленко В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990. С. 210.

¹⁰ См.: Murry O. Early Greece. L., 1993; Burkert W. The Orient Agealizing Revolution: Near Eastern Influence in Greek Culture in the Early Archaic. Cambridge, Mass., 1992.

втянуты формирующиеся классовые социоисторические организмы Греции. Они в готовом виде получили и освоили экономические формы, которые были результатом длительного развития экономической жизни Востока. В качестве примера можно привести монету. Хотя классовое общество на Ближнем Востоке возникло еще в конце IV тысячелетия до н. э., монета впервые появилась там лишь на рубеже VIII и VII вв. до н. э. Греки же начали использовать монету, уже на заре своего второго классового общества. На о. Эгина чеканка монеты началась в VII в. до н. э. Все это не могло не сказаться на древнегреческой экономике.

Уже предклассовое общество, которое существовало в Греции в XII-IX вв., было качественно иным, чем то, которое предшествовало восточным классовым социоисторическим организмам. Шумерское, древнеегипетское, древнекитайское и прочие политарные общества возникли из протополитарных предклассовых обществ. Предклассовое общество, из которого возникло древнегреческое (его нередко называют гомеровским), во всяком случае протополитарным не было. Протополитарные отношения в нем полностью отсутствовали. Там существовало по меньшей мере три варианта доминантных отношений (приживальчество, наймитство и рабство), магнарно-рабовладельческие отношения и, возможно, какие-то пережитки протонобиларизма. И не исключено, что таким своим характером гомеровское общество было обязано влиянию соседних классовых обществ.

Как уже указывалось, предклассовое общество такого типа могло превратиться в классовое только под воздействием соседних более развитых (в данном случае – политарных) обществ. И так как это предклассовое общество не было протополитарным, оно не могло превратиться в политарное классовое общество. Результат классогенеза и политогенеза в данном случае определялся двумя факторами. Первый – характер исходного предклассового общества, второй – природа и сила внешнего влияния.

Переход от гомеровского общества к классовому был ознаменован довольно бурным ростом магнарно-кабальных и, возможно, магнарно-арендных отношений. Причина этого во многом заключалась в развитии товарно-денежных отношений, что было связано прежде всего со все большим втягиванием греков в систему тогдашней мировой торговли. При этом продолжали существовать наймитство и

рабство, причем последнее уступало по значению первому. Общество архаической Греции (VIII–VI вв. до н.э.) не было рабовладельческим. Оно являлось доминамагнарным.

В результате революций VI–V вв. до н. э. в передовых социоисторических организмах были уничтожены магнарные отношения, что сделало необходимым и возможным развитие рабства и его превращение из всего лишь элемента доминарного способа производства в самостоятельный способ, который и стал основой общества. Общество классической Греции, бесспорно, относилось к более высокой, чем политарная, общественно-экономической формации – античной или рабовладельческой.

И явные признаки выхода на более высокий уровень развития, чем тот, который был характерен для политарного общества, начали обнаруживаться в Древней Греции с самого начала. Вновь возникающая в этом обществе письменность была уже не идеографической, а алфавитной. Греция является родиной первого в истории человечества подлинного алфавита, возникшего из финикийского полуалфавитного слогового письма, которое в свою очередь появилось в результате тысячелетнего развития идеографической письменности на Востоке. Древнегреческое общество было первым, в котором была распространена грамотность.

Если на Востоке существовали лишь деспотические режимы, выступавшие в форме монархии, то в Греции впервые возникла республиканская форма правления. На Востоке были только подданные, в Древней Греции впервые появились граждане, а тем самым и гражданское общество. Для Греции было характерно многообразие политических режимов. И наряду с тираническими, олигархическими, аристократическими способами правления там впервые в истории человечества возникла демократия, а вместе с ней политическая жизнь, политическая борьба, политические партии, свобода политической деятельности, выражающаяся в свободе слова, собраний, выборные и подотчетные гражданам органы государственной власти.

Политическая борьба немыслима без борьбы идеологической, без столкновения разных мнений, политических платформ. Ставятся под сомнение и подвергаются критике устоявшиеся взгляды, представления, включая религиозные. Возникает идейный плюрализм, впервые получает развитие свободомыслие. Огромное значение

приобретает ораторское искусство, умение убеждать, вербовать сторонников. Возникает первая форма теоретического знания – философия. В последующем от нее отделяется наука как особая форма общественного сознания. Кроме естественных наук, появляется историческая наука. В Древней Греции впервые возникает подлинная художественная литература, включая поэзию, прозу, драматургию, появляется настоящий театр с профессиональными актерами. Это гигантский взлет человеческого духовного творчества нередко именуется «греческим чудом».

Огромное греческое историческое гнездо возникло первым. Но оно было не единственным классовым обществом нового типа. Вслед за ним появились этрусское, затем латинское, в котором ведущее положение занял Рим, карфагенское гнезда. Все эти исторические гнезда, вместе взятые, образовали новую историческую арену – средиземноморскую. К ней от ближневосточной системы перешла роль центра всемирного исторического развития. Именно она становится теперь мировой системой. Ближневосточная же перестает ею быть. С возникновением средиземноморской системы и переходом к ней главенствующей роли в истории человечества, произошла смена эпох всемирной истории. Эпоха Древнего Востока сменилась античной.

С самого начала средиземноморская историческая арена была тесно связана с ближневосточной. В последующем эта связь становилась все более прочной, пока в результате походов Александра Македонского они, вместе взятые, не стали образовывать новую историческую целостность, которую можно было бы назвать *центральным историческим пространством*. После образования центрального исторического пространства две бывшие исторические арены стали двумя его *историческими зонами*. Ближневосточная зона центрального исторического пространства подверглась интенсивной эллинизации. Когда ведущая роль в средиземноморской зоне от Греции перешла к Риму и под римской властью оказалось почти все центральное историческое пространство, начался процесс романизации. Но ни эллинизация, ни романизация, повлияв на культуру, не изменили характера общественного строя обществ Востока. Они в основе своей продолжали оставаться политарными.

Способность рабовладельческого способа производства к развитию была ограниченной. Поэтому неизбежным был его кризис. В Греции он начался еще в IV в. до н. э., что во многом способствовало ее

подчинению вначале Македонии, а затем Риму. В Риме переход к рабовладельческой формации произошел на несколько веков позднее, чем в Греции. Соответственно позднее начался и ее кризис. Выразился он в начавшейся на грани I и II вв. н. э. постепенной смене рабовладельческих отношений доминагнарными и только постепенным обволакиванием всех существующих социально-экономических связей политарными. Все это прежде всего относится к западной части Римской империи, ибо восточная ее часть, исключая Грецию, всегда была в основном политарной. Но процесс политаризации довольно далеко зашел к тому времени в Греции, которая вступила в полосу кризиса задолго до Рима. Различие социально-экономических отношений на западе и востоке Римской державы обусловило ее распад на две части и разные их исторические судьбы. Восточная Римская империя (Византия), отчасти давно бывшая, отчасти ставшая к V в. н. э. политарным обществом, сохранилась, Западная Римская империя, которая перестала быть рабовладельческим обществом, но так и не стала полностью политарным, рухнула под напором варваров. В V в. н. э. античному обществу пришел конец.

Но прежде чем продолжить рассмотрение магистральной линии развития человечества, необходимо сказать несколько слов о том, что происходило в античную эпоху (VIII в. до н. э. – V в. н. э.) за пределами центрального исторического пространства. В Китае в течение этого времени происходило чередование периодов существования всекитайского социально-исторического организма и его распада на несколько мелких социоисторических организмов. Одновременно шел процесс расширения территории китайского гнезда. Китайское влияние ускорило возникновение нескольких новых исторических гнезд (японского, корейского, вьетнамского), которые вместе с китайским гнездом образовали историческую арену – восточно-азиатскую. В Индии, где после гибели индской цивилизации наступило вторичное варварство, в первой половине I тысячелетия до н. э. во второй раз начало возникать классовое общество. Этот процесс завершился появлением нескольких исторических гнезд, которые вместе образовали индийскую историческую арену, имевшую тенденцию к расширению. Несколько исторических гнезд возникло на территории Индокитая. Остается исследовать, образовывали ли они особую историческую арену – индокитайскую или же входили: одни в

восточно-азиатскую арену, другие – в индийскую. Возможно, мы имеем здесь дело с промежуточной исторической ареной. Несколько исторических гнезд возникло в Индонезии. Скорее всего, они образовывали особую историческую арену – индонезийскую.

От Северного Китая через Южную Сибирь, Казахстан, Южную Россию, Причерноморье протянулась огромная полоса степей, последним форпостом которой является венгерская пушта. Ее нередко именуют Великой Степью. Вся эта полоса вплоть до Днестра была заселена кочевниками-скотоводами. И на этой территории уже во второй половине I тысячелетия до н. э. начала формироваться очень своеобразная историческая арена, которую можно назвать евразийско-степной или велико-степной.

Ее своеобразие было обусловлено особенностями развития кочевых обществ. Все они в обычном состоянии были предклассовыми, варварскими. Однако в определенных условиях в результате объединения многих кочевых социально-исторических организмов под одной властью возникали огромные кочевые империи, которые подчиняли себе и земледельческие области. Эти империи были обществами уже не предклассовыми, а классовыми, причем политарными. Однако век их обычно был недолог. Если кочевники не переходили к оседлому образу жизни, их империи разваливались, а сами они возвращались на стадию предклассового общества. И все это могло повторяться много раз. Именно Великая степь была тем коридором, по которому пришли гунны, обосновавшиеся на территории нынешней Венгрии. Их вторжение, как известно, положило начало Великому переселению народов, в результате которого рухнула Западная Римская империя.

На территории, находившейся в промежутке между центральным историческим пространством, восточно-азиатской, индийской и велико-степной историческими аренами начала формироваться еще одна историческая арена, которую можно было бы назвать центрально-азиатской. Крайне неопределенной является граница, отделяющая ее от центрального исторического пространства. Именно эта историческая арена чаще всего и была объектом экспансии кочевников, и ее области то и дело оказывались в составе кочевых империй.

Переход к классовому обществу в Новом Свете произошел значительно позже, чем в Старом. В I тысячелетии до н. э. началось, а в

I тысячелетии н. э. завершилось образование в Америке двух исторических арен: андской и мезоамериканской.

Во всех перечисленных исторических аренах все классовые общества без исключения относились к одной и той же формации – политарной. И всюду наблюдалось циклическое развитие: периоды расцвета исторических гнезд чередовались с периодами их упадка и даже гибели.

2.5. Эпоха средних веков (VI – XV вв.)

Возвращаясь к Европе, начну с того, что вся территория Западной Римской империи была завоевана германцами, создавшими на ней свои государства, которые принято именовать варварскими королевствами. Для коренного населения данной территории это в определенной степени было регрессом. Многие из их духовной и материальной культуры погибли. Но этот регресс не был столь глубоким, как в случае с индской и микенской цивилизациями. Новые социально-исторические организмы, возникшие на развалинах Римской империи, были не предклассовыми, а классовыми. Это было обусловлено тем, что германцами были восприняты и усвоены определенные элементы античной культуры.

Внешне это выразилось в принятии ими христианства, которое было одновременно и продуктом античного мира, и его отрицанием. Христианство возникло как сила, враждебная существующим порядкам, и примирилось с ними тогда, когда они претерпели существенные изменения. Для германцев, таким образом, возникновение варварских королевств несомненно было прогрессом: они поднялись со стадии предклассового общества на стадию классового.

Западная Европа долго еще не могла успокоиться. Варварские королевства возникали и исчезали, границы между ними менялись. В конце концов почти вся эта территория оказалась в составе империи Каролингов. Недолго просуществовав, эта держава распалась, а затем наступило то, что историки именуют феодальной раздробленностью. На территории Западной Европы утвердился новый способ производства – феодальный.

Как мы уже видели, в отличие от политарных социально-исторических организмов, которые могли возникать и возникали независимо друг от друга в самых различных регионах

земного шара, античное общество было территориально ограниченным. Все античные социально-исторические организмы образовывали одну систему, причем мировую. Это связано с тем, что они могли возникнуть только в зоне влияния мировой ближневосточной системы.

Ограничена была территория и феодальной системы. Как считал выдающийся французский медиевист М. Блок, феодальными в точном смысле слова первоначально были лишь Франция, Западная Германия и Северная Италия. В дальнейшем этот регион расширился за счет Англии и Южной Италии. К этому центральному ядру примыкали области в той или иной степени феодализованные – Северо-Западная Испания и Саксония. За этими пределами феодализм в Европе не существовал. Не были феодальными ни скандинавские страны, ни Ирландия, не говоря уже об остальных*. И, на мой взгляд, М. Блок был прав.

Таким образом, первоначально феодальные порядки возникли лишь на той территории, которая входила в состав западных провинций Римской империи и была завоевана германцами, и лишь в последующем распространились на некоторые прилегающие территории. Это было обусловлено тем, что феодализм зародился и мог зародиться только в результате процесса, который историки давно уже называют *романо-германским синтезом*. Там, где не было этого синтеза, феодализм не возникал. Его появление было в огромной степени подготовлено развитием античного мира. Феодальная общественно-экономическая формация преемственно, генетически связана с предшествовавшей ей во времени античной рабовладельческой формацией¹¹.

Все пертурбации, которые имели место после V в. н. э., не привели к исчезновению центрального исторического пространства. Оно сохранилось, но его конфигурация претерпела существенные изменения. Одну зону составила в ней западноевропейская мировая система. Другую – Византия и тесно связанные с ней Грузия и Армения. Третью – те области Ближнего Востока, которые не входили в состав Византии и двух ее азиатских спутников, и среди них прежде

¹¹Bloch M. Feudal Society. Vol. 1 Chicago, 1974. P. 176-189; Vol. 2. P. 441-447.

¹¹См.: Семенов Ю.И. Проблема перехода.

всего Иран. Арабские завоевания существенно изменили положение. Возникла огромная исламская зона, простиравшаяся от восточных границ Ирана почти до Пиренеев. Резко сократилась византийская зона. Все эти три зоны охватывали территорию, на которой классовое общество существовало уже давно.

Во второй половине I тысячелетия н. э. и начале II тысячелетия классовые социально-исторические организмы возникли на территории Болгарии, Чехии, Польши и других славянских земель, исключая лишь прибалтийских славян, которые продолжали оставаться на стадии предклассового общества. Самым крупным из возникших славянских государств была Русь. Все они вместе с Венгрией и восточногерманскими землями образовали восточноевропейскую зону центрального исторического пространства. На грани I и II тысячелетий классовое общество возникло в Дании, Швеции и Норвегии. Образовалась северо европейская зона.

Становление классовых обществ в обеих этих зонах шло под мощным воздействием уже существовавших классовых социально-исторических организмов. Все классовые общества северо европейской и часть обществ восточноевропейской зон испытали влияние западноевропейской системы. В частности, это выразилось в принятии ими католичества и латиницы. На остальных обществах восточноевропейской зоны существенно сказалось влияние Византии. Ими были приняты православие и кириллица. Новые классовые общества указанных двух зон не были феодальными, как западноевропейские. Но не были они и политарными, как общества Востока. Они относились к одной или нескольким общественно-экономическим параформациям, природа которых требует выяснения¹².

Хотя центральное историческое пространство не только сохранилось, но и значительно расширилось, связи между некоторыми его зонами, прежде всего между западноевропейской и исламской, были первоначально довольно слабыми. Они стали более тесными в результате начавшихся в конце XI в. крестовых походов, когда на время под властью европейцев оказалась часть Палестины и Сирии.

¹² См.: Семенов Ю.И. Проблема перехода.

Рассмотрим самые крупные изменения, которые произошли в центральном историческом пространстве и на его периферии в период до начала XVI в. Немцами были завоеваны земли прибалтийских славян и Прибалтика. Возникло Великое княжество Литовское. Шведы покорили Финляндию. Таким образом, все общества Восточной Европы к западу от Руси стали классовыми и вошли в восточноевропейскую зону центрального исторического пространства.

В результате IV крестового похода (1204 г.) более чем на полвека исчезла с карты мира Византия. Началась экспансия османов, в результате которой к началу XVI в. под их властью оказалась не только почти вся исламская зона центрального исторического пространства, но и значительная часть восточноевропейской, а византийская зона перестала существовать вместе с окончательным исчезновением Византии (1453 г.).

Прежде чем продолжать историю изменения конфигурации центрального пространства, бросим беглый взгляд на историю территорий, находившихся за его пределами в период с V в. до начала XVI в. В восточно-азиатской, индокитайской, индонезийской, индийской, центрально-азиатской исторических аренах Старого Света и андской и мезоамериканской исторических аренах Нового Света шло чередование периодов расцвета и упадка, а иногда и гибели исторических гнезд.

Огромное влияние на историю классовых обществ почти всего Старого Света продолжали оказывать события, происходившие в велико-степной исторической арене. В VI в. впервые возникла кочевая держава, под властью которой оказалась почти вся Великая степь и многие соседние земледельческие области, например, Тюркский каганат. Но просуществовал он недолго. Не задерживаясь на истории других возникавших и исчезающих кочевых держав, сразу перейдем к такому крупнейшему историческому событию, каким было возникновение Монгольской империи (XIII в.). Под властью монголов оказался весь Китай и часть Бирмы, вся велико-степная и вся центрально-азиатские исторические арены, значительная часть исламской зоны центрального исторического пространства. Монгольская держава как сравнительно единое политическое целое просуществовала недолго. Уже во второй половине XIII в. она распалась на несколько государственных образований, в которых правили потомки Чингисхана.

Двигаясь на запад, монголы после разгрома Руси вторглись в Польшу и Венгрию и дошли до Адриатики. Но из всей восточноевропейской арены под их властью оказалась лишь Русь, которая к тому времени представляла собой не единый социально-исторический организм, а гнездовую систему социоисторических организмов. В последующем значительная часть территории Руси вошла в состав Польши и Великого княжества Литовского, и под властью ставшей самостоятельной после распада Монгольской империи Золотой Орды оказалась лишь Северо-Восточная Русь.

Монгольские завоевания во многом способствовали установлению более или менее прочных связей между целым рядом исторических арен и центральным историческим пространством. Но одновременно с этим Северо-Восточная Русь в результате была вырвана не только из восточноевропейской зоны, но и вообще из центрального исторического пространства. Она стала обособленным историческим гнездом, связанным с велико-степной исторической ареной, но не вошедшим в ее состав. В XV в. после падения татаро-монгольского ига Северо-Восточная Русь, превратившаяся при Иване III в единый социально-исторический организм, который в последующем стал называться Россией, снова вошла в состав центрального исторического пространства, но теперь уже в качестве особой его зоны.

Во всех исторических аренах, находившихся вне пределов центрального исторического пространства, а также в исламской его зоне в V-XV вв. происходило столь характерное для политарных обществ чередование периодов расцвета и упадка. Социально-исторические организмы, переживавшие трудные времена, нередко становились добычей завоевателей. Не лучше была судьба и социально-исторических организмов, входивших в состав восточноевропейской зоны центрального исторического пространства. К концу XV в. остались полностью самостоятельными лишь Польша и Литва, совместными усилиями отбившие натиск немцев, и в определенной степени Чехия. Все остальные вошли в состав держав, центры которых находились в иных, чем восточноевропейская, зонах: исламской (Османская империя) и западноевропейской (империя Габсбургов). Исключением были лишь русские земли, оказавшиеся под властью Польши и Литвы.

Политарное общество не было способно трансформироваться в общество более высокого типа. Оно было обречено на вечное повторение циклов. Это не исключало определенного прогресса, но такого, который носил крайне ограниченный характер. Не способны были создать условия для появления общества более высокого типа и североевропейские и восточноевропейские социоисторические организмы. Прогресс во всех этих областях, если и имел место, то в основном в рамках уже достигнутого человечеством уровня.

Радикальное движение вперед имело место лишь в западноевропейской зоне центрального исторического пространства – единственной, где возник феодализм. Начиная с X–XI вв. (в Италии несколько раньше – с IX в.) в Западной Европе начинается бурный рост городов как центров ремесла и торговли. Их нередко характеризуют как феодальные города, что неверно. Хотя эти города и существовали в феодальном обществе, феодальными они не были. Они базировались на ином, чем феодальный, способе производства, который можно было бы назвать купеческо-бюргерским. В подавляющем большинстве случаев эти города были не социально-историческими организмами, а лишь суборганизмами. Но в Италии многие города, подчинив себе окружающие территории, образовали вместе с ними подлинные социоисторические организмы, относившиеся к иному, чем феодальный, типу общества. Этот тип общества можно было бы назвать купеческо-бюргерской параформацией.

В итальянских городах-республиках уже в XIV–XV вв. на базе купеческо-бюргерского уклада начал зарождаться капиталистический уклад. Но этот ранний капитализм имел своей основой не внутренний национальный рынок, которого в Италии не существовало, а внешний. И поэтому, когда в последующие века эти внешние рынки были утрачены, итальянский капитализм заглох, и по существу, перестал существовать. Стал нарастать процесс рефеодализации. Но в XIV–XV вв. Италия по уровню развития вышла на первое место в Западной Европе, что, в частности, выразилось в том мощном процессе становления новой культуры, который носит название Возрождения.

Городов, подобных тем, что появились в Западной Европе в начале I тысячелетия н. э., в истории человеческого общества никогда ранее не существовало. Возникновение купеческо-бюргерского уклада и таких городов было крупнейшим переломом в развитии общества, который

некоторые авторы называют коммерческой революцией¹³. Коммерческая революция изменила весь облик Западной Европы.

Когда возникло феодальное общество, был сделан существенный шаг вперед, однако внешне он был малозаметен. Никакими особыми достижениями в области материальной и духовной культуры это общество похвалиться не могло. Более того, по внешнему своему облику оно стояло ниже не только античного, но и восточного общества. Поэтому спорным является вопрос о том, произошло ли сразу же после возникновения феодальной системы перемещение центра мирового исторического развития в Западную Европу. Если и можно говорить о том, что западноевропейская феодальная система с самого начала была уже мировой системой, то только лишь в одном смысле: лишь в недрах этого общества мог зародиться купеческо-бюргерский уклад.

Но с появлением городов Западная Европа несомненно во многих отношениях вышла на уровень более высокий, чем восточное и античное общества. Невиданных ранее масштабов достигает использование в производстве водяных и ветряных двигателей. Изобретаются и входят в обыденную жизнь механические часы, появляются компас, порох и огнестрельное оружие. Все эти сдвиги нередко объединяются под названием индустриальной революции средних веков¹⁴. Одновременно происходит подъем духовной культуры. XII столетие иногда называют веком «средневекового ренессанса», «средневековой культурной революции» или даже говорят о «Возрождении XII века»¹⁵. Возрождается философия, а затем и наука. Возникают университеты, в XV в. появляется книгопечатание, постепенно все более широко распространяется грамотность.

Можно совершенно уверенно сказать, что, уж во всяком случае со времени появления городов, западноевропейская зона центрального исторического пространства становится центром всемирно-исторического развития, и там утверждается третья по счету (после ближневосточной политарной и средиземноморской античной) мировая система.

¹³ См.: Lopez. R. S. The Commercial Revolution of the Midle Ages, 950-1350. Cambridge etc. 1976.

¹⁴ Gimpel J. La revolution industrielle du monyenage. Paris, 1975.

¹⁵ См., например: История Европы. Т. 2. Средневековая Европа. М., 1993. С.644.

Западноевропейское общество после появления городов уже не было чисто феодальным. Оно стало феодально-бюргерским. После появления городов почти по всей Западной Европе, исключая в основном лишь Италию, начинается формирование рынков, которые принято называть национальными, централизованных государств и наций, что создает предпосылки для зарождения там капиталистического уклада. И с началом его формирования приходит конец эпохе средних веков.

2.6. Эпоха нового времени (конец XV в. – 1917 г.)

На грани XV и XVI веков в западноевропейском обществе наряду с феодальным и купеческо-бюргерским укладами начинает формироваться капиталистический. В результате западноевропейская система социоисторических организмов все в большей и большей степени становится капитал диетической и одновременно индустриальной¹⁶. Индустриальное общество возникает как общество капиталистическое. И эта, вначале формирующаяся, а затем и вполне сформировавшаяся капиталистическая и одновременно индустриальная, система с самого начала является мировой. С появлением этой новой, четвертой по счету мировой системы на смену эпохе средних веков приходит эпоха нового времени. При этом перемещение центра всемирно-исторического развития не происходит. Он остается там, где находился раньше.

Развитие капитализма в XVI – XIX веках идет одновременно вглубь и вширь.

Развитие вглубь – вызревание и окончательное утверждение капитализма в его колыбели, в Западной Европе. Основные вехи этого процесса – Нидерландская революция XVI века, Английская революция XVII века и Великая французская революция XVIII века. Другим крупнейшим событием XVIII в. является начало второй крупнейшей революции в развитии производительных сил человеческого общества – перехода от ручного производства к машинной индустрии. Этот переворот чаще всего именуют

¹⁶ Определение понятия индустриального общества см.: Семенов Ю.И. Россия: что с ней случилось в двадцатом веке // Российский этнограф. Вып. 20. С.22-23; Он же. Россия: что с ней было, что с ней происходит и что ее ждет в будущем. М., 1995. С. 8.

промышленной или индустриальной революцией. С появлением машинного производства под капитализм была подведена адекватная техническая база, что обусловило его последующее стремительное развитие.

Развитие капитализма вширь – его распространение по всему земному шару и формирование всемирного капиталистического рынка. Капиталистическая мировая система – первая из мировых систем, которая втянула в орбиту своего влияния все народы и страны.

Развившийся в западноевропейской зоне центрального исторического пространства капитализм стал оказывать мощное влияние на развитие обществ всех остальных его зон, прежде всего североевропейской и восточноевропейской. В результате все социально-исторические организмы североевропейской зоны были втянуты в западноевропейскую систему и тем самым вошли в западноевропейскую зону. Североевропейская зона исчезла. Что же касается восточноевропейской зоны, то к концу XVIII в. все составлявшие ее социоисторические организмы перестали существовать. Чехия была поглощена державой Габсбургов. Возникшая в результате объединения Польши и Литвы Речь Посполитая была разделена между Австрией, Пруссией и Россией.

На востоке Европы лишь Россия, представлявшая собой особую зону центрального исторического пространства, не только сохранила самостоятельность, но и расширила свою территорию на западе, юге и на востоке (где ее границы дошли до Тихого океана и под ее властью оказалась часть Америки), и превратилась в XVIII в. в одну из великих европейских держав. В результате реформ Петра Великого Россия приобщилась ко многим достижениям Западной Европы: получили распространение мануфактуры, стали усваиваться, а затем развиваться наука, философия и т. п. С конца XVIII в. в России под влиянием Запада начал формироваться капитализм. Следствием была неудавшаяся попытка совершить буржуазную революцию (1825 г.).

В отличие от России Османская империя, охватывавшая большую часть исламской и некоторые области восточноевропейской зон центрального исторического пространства, теряла одну территорию за другой, все в большей степени распадаясь на фактически независимые социоры, впадала в зависимость от других держав, прежде всего западных.

Развитие капитализма в Западной Европе сказалось не только на остальных зонах центрального исторического пространства, но и на всех исторических гнездах и исторических аренах, а также на областях, где продолжало сохраняться первобытное и предклассовое общество.

На грани XV и XVI веков началась эпоха Великих географических открытий. Первыми из них были – открытие Христофором Колумбом Америки (1492 г.) и Васко да Гамой морского пути в Индию (1497–1498 гг.). В 1519-1521 гг. Фернаном Магелланом было совершено первое кругосветное путешествие. Европейцы не просто открывали все новые и новые страны. Они превращали их в свои колонии или создавали там свои колонии или, наконец, ставили их в иные формы зависимости. Возникли Испанская, Португальская, Голландская, Британская, Французская и, позднее всех, лишь в XIX в., Германская колониальные империи. Особое место занимала Российская империя, которая не может быть названа колониальной в точном смысле этого слова. В целом к концу XIX в. весь внеевропейский мир был разделен между империалистическими державами.

В результате все общества мира были втянуты в центральное историческое пространство, которое тем самым превратилось во *всемирное историческое пространство*. Все ранее существовавшие в мире исторические арены были либо разрушены, либо превратились в зоны всемирного исторического пространства.

Ко времени открытия Америки в ней продолжали существовать две исторические арены – андская и мезоамериканская. На всем протяжении средних веков там шел процесс чередования эпох расцвета и упадка, а иногда и гибели исторических гнезд.

В течение I тысячелетия н. э. на андскую арену вышли, расцвели и погибли цивилизации Мочика, Наска, Паракас, Тиауанако. К первой половине II тысячелетия относится расцвет империи Чиму, которая в последующем пала под ударами инков. К началу XVI в. вся андская историческая арена оказалась под властью империи инков — Таунтинсуйу.

На мезоамериканской исторической арене в I тысячелетии н. э. расцвели цивилизации Теотихуакана, Монте-Альбана и майя. К концу этого периода все они пали. Их сменила цивилизация тольтеков, погибшая к началу XII в. В XV в. начинается экспансия ацтеков, подчинивших себе значительную часть мезоамериканской арены. Индейцы, жившие за пределами этих арен, а также алеуты и эскимосы

продолжали находиться на стадиях первобытного или предклассового общества.

Испанские конкистадоры уничтожили империи инков и ацтеков, а также все прочие классовые общества Нового Света. Под их властью оказалась вся Южная Америка, исключая Бразилию, ставшей владением Португалии, вся Центральная и часть Северной Америки. Колонизация привела к утверждению на этих территориях особой параформации. В результате освободительного движения в начале XIX в. почти все испанские колонии добились независимости. В конечном счете во всех этих странах стал развиваться капитализм, но в своеобразном варианте. Возникла особая латиноамериканская зона всемирного исторического пространства.

Часть атлантического побережья Северной Америки начала заселяться в основном выходцами из Англии. Коренное население — индейцы — вытеснялось или уничтожалось. Возникли переселенческие колонии, в части которых стали утверждаться капиталистические отношения. Интересы колоний и метрополии — Великобритании — стали расходиться. Возник конфликт, переросший в первую национально-освободительную революцию. В результате в конце XVIII в. возникло независимое государство — Соединенные Штаты Америки. И хотя в южных штатах США на время утвердилась особая параформация — новорабовладельческая, в целом страна стала капиталистической и вошла в состав западноевропейской зоны всемирного исторического пространства, которая стала с тех пор просто западной. В эту же зону вошла и Канада.

Когда европейцы достигли Австралии, ее обитатели находились на стадии первобытного и отчасти предклассового общества. На континент хлынул поток переселенцев из Англии, которые принесли с собой капиталистические порядки. Аборигены были истреблены или вытеснены в самые пустынные части материка. Австралия, став капиталистическим социоисторическим организмом, вошла в западную зону всемирного исторического пространства. Сходным путем пошло развитие Новой Зеландии, коренное население которой — полинезийцы-маори — находилось на стадии предклассового общества. И она пополнила западную зону.

Население Африки южнее Сахары, исключая лишь Эфиопию, к моменту появления европейцев находилось на стадии первобытного и предклассового общества. На юге Африки возникли европейские

переселенческие колонии, но особого рода. Капиталистические отношения стали проникать и в Тропическую Африку, которая к концу XIX в. была разделена между европейскими державами. В конечном счете там уже во второй половине XX века после обретения независимости возникла африканская зона всемирного исторического пространства.

Как уже отчасти было сказано, на Востоке, под которым я понимаю Северную Африку и Азию (исключая Сибирь и российский Дальний Восток), в течение всего средневековья шло монотонное повторение одних и тех же циклов развития. Расцветали и приходили в упадок старые и новые исторические гнезда, возникали крупные социоисторические организмы, затем они распадались на множество мелких, которые вновь объединялись в одно единое целое, образовывались и рушились державы. В моменты ослабления тех или иных обществ они становились жертвами своих как цивилизованных, так и нецивилизованных соседей.

То же самое продолжалось и в новое время, что в огромной степени способствовало успехам европейских колонизаторов. Одни страны Востока стали колониями европейских держав (Индия, Бирма, Индокитай, Индонезия и др.), другие, формально сохранив самостоятельность, оказались в зависимости от Запада (Китай, Иран, Турция и др.). Исключением была лишь Япония, которая после «обновления Мэйдзи» (1867–1868 гг.) в результате интенсивного усвоения достижений Запада стала довольно быстро превращаться в развитую капиталистическую страну.

Когда европейцы столкнулись со странами Востока, им бросилось в глаза как огромное сходство между всеми ними, так и качественное отличие всех их от стран Запада. Запад и Восток стали рассматриваться как два совершенно различных мира. Это нашло свое предельно четкое выражение в знаменитых стихах Р. Киплинга:

«О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они
не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный
господен суд».

В настоящее время в нашей литературе, в частности и в исторической, усиленно разрабатывается и пропагандируется идея о

двух совершенно самостоятельных и качественно различных путях или линиях исторического развития – западной и восточной. Действительно, между западноевропейским и восточным обществами, какими они были, скажем, к середине XIX в., различие существует.

Если сопоставить развитие Южной и Западной Европы в период с VIII в. до н. э. до начала XIX в., с развитием Востока в то же самое время, то сразу же бросится в глаза огромная разница. В Европе за это время античное рабовладельческое общество сменилось средневековым феодальным, а последнее – капиталистическим. На Востоке не было ничего похожего: ни рабовладельческого общества, ни феодального, ни капиталистического.

Но разгадка довольно проста. Различие между Востоком, каким он был в XIX в., и Западом того же времени прежде всего заключается в том, что эти общества относятся к двум разным общественно-экономическим формациям: восточные социоисторические организмы – к самой первой классовой формации – политарной, а западноевропейские – к самой последней классовой формации – капиталистической. Поэтому говорить об особом восточном пути развития человеческого общества имеет смысл не больше, чем говорить, скажем, об австралийском пути развития. Ведь в развитии общества аборигенов Австралии мы не находим даже политарной стадии, не говоря уж об античной, феодальной и капиталистической. Но это никого не смущает. Все понимают, что аборигены Австралии к моменту открытия их европейцами (XVIII в.) просто продолжали оставаться на стадии доклассового общества. Но точно так же все общества Востока вплоть до середины XIX в. продолжали оставаться на стадии политарного общества.

Как уже указывалось, политарное общество, само по себе взятое, не способно трансформироваться в общество более высокого типа. Поэтому развитие обществ Востока с неизбежностью должно было носить застойный характер. И только влияние капиталистических обществ, втягивание в мировой капиталистический рынок сделало возможным их выход из исторического тупика. Стал не только возможным, но и неизбежным их переход от политарной стадии развития к самой высокой, достигнутой человечеством, минуя все промежуточные. Тем самым был открыт путь к настоящему прогрессу, хотя реальное движение по этой дороге и было, и является крайне долгим и мучительным.

И это относится не только к политарным, но ко всем вообще обществам, отставшим в своем развитии. У каждого из них с момента зарождения капитализма осталась лишь одна возможность — подняться со временем со стадии, на которой это общество задержалось, до стадии капитализма или более высокой (но, разумеется, подготовленной развитием мирового капитализма), минуя все те, которые находились между ними. Иными словами, они не просто получили возможность миновать все эти стадии; для них, и в этом вся суть дела, стало невозможным не миновать эти ступени. Таким образом, когда человечество в лице группы передовых социоисторических организмов достигло капитализма, то все остальные стадии стали пройденными не только для этих, но и для всех прочих обществ. Но это отнюдь не исключало, а иногда и делало неизбежным появление таких переходных форм, которые ранее в истории человечества никогда не встречались.

Возвращаясь после этого отступления к колониализму, необходимо подчеркнуть, что он имеет две стороны. Об одной у нас писали очень много: безжалостное ограбление и даже полное уничтожение целых народов. И это бесспорно имело место. Но существует и другая его сторона. Она состояла в преодолении векового застоя колонизируемых народов, в приобщении их к достижениям самых развитых к тому времени обществ. Англичане, например, не только грабили Индию. Они строили в ней фабрики и заводы, железные дороги, создавали телеграфную сеть, внедряли европейское образование и науку, готовили кадры местной интеллигенции, ученых, врачей, инженеров, современных администраторов и т. п. Но главное — в Индии началось формирование капиталистических отношений. И поэтому в апологетическом «Бремени белых» Р. Киплинга есть определенное рациональное зерно.

Уже довольно давно стало модным критиковать европоцентризм. В этой критике есть моменты, заслуживающие внимания. Но в целом европоцентристский подход ко всемирной истории последних трех тысячелетий существования человечества совершенно верен. Если в III – II тысячелетиях до н. э. центр мирового исторического развития находился на Ближнем Востоке, где образовалась первая в истории человечества мировая система — политарная, то, начиная с VIII в. до н. э., магистральная линия развития человечества идет через Европу. Именно здесь все это время находился и перемещался центр мирового

исторического развития, здесь последовательно сменились остальные три мировые системы – античная, феодальная и капиталистическая.

То, что смена античной системы феодальной, а феодальной – капиталистической имела место только в Европе, и легло в основу взгляда на эту линию развития как на одну из множества региональных, как на чисто западную, чисто европейскую. В действительности мы имеем здесь дело с линией всемирного развития. Неоспоримо мировое значение образовавшейся в Западной Европе капиталистической системы, которая к началу XX в. не только втянула в сферу своего влияния весь мир, но и своим воздействием вызвала появление в большом числе отставших в своем развитии стран буржуазного общественно-экономического уклада.

Сложнее обстоит дело с ближневосточной политарной, средиземноморской античной и западноевропейской феодальной системами. Ни одна из них не охватывала своим влиянием весь мир. И степень их воздействия на отстававшие в своем развитии социально-исторические организмы была значительно меньшей. Однако без ближневосточной политарной системы социоисторических организмов не было бы античной, без античной не было бы феодальной, без феодальной не возникла бы капиталистическая. Только последовательное развитие и смена этих систем смогли подготовить появление в Западной Европе капитализма и сделать не только возможным, но и неизбежным переход всех отставших народов непосредственно к капитализму или более высокой стадии развития. Тем самым в конечном счете их существование и развитие сказалось на судьбе всего человечества.

Таким образом, историю человечества ни в коем случае нельзя рассматривать как простую сумму историй социоисторических организмов, а общественно-экономические формации – как одинаковые стадии эволюции социально-исторических организмов, обязательные для каждого из них. История человечества есть единое целое, а общественно-экономические формации прежде всего являются стадиями развития этого единого целого, а не отдельных социально-исторических организмов. Формации могут быть стадиями в развитии отдельных социоисторических организмов, а могут и не быть ими. Но последнее ни в малейшей степени не мешает им быть стадиями эволюции человечества.

Начиная с перехода к классовому обществу общественно-экономические формации как стадии всемирного развития существуют в качестве мировых систем социально-исторических организмов того или иного типа, систем, являющихся центрами всемирно-исторического развития. Соответственно, и смена общественно-экономических формаций как стадий мирового развития происходит в форме смены мировых систем, которая может сопровождаться, а может и не сопровождаться территориальным перемещением центра мирового исторического развития. Смена мировых систем влечет за собой смену эпох всемирной истории.

Развитие капитализма в Западной Европе в первой половине XIX в. сопровождалось ростом нищеты. Многочасовой рабочий день, тяжелые условия труда, мизерная зарплата толкали рабочих на борьбу против существующих порядков. Возникло и начало набирать силу рабочее движение. Дважды восставали ткачи Лиона (Франция). В Англии начали действовать чартисты, создавшие первую в мире рабочую партию. В этих условиях возник марксизм, который оказал огромное влияние на общественную жизнь Европы, а затем и всего мира. Под руководством К. Маркса и Ф. Энгельса возникло Международное товарищество рабочих (I Интернационал). В 1871 г. в обстановке социальных потрясений, вызванных проигранной войной с Пруссией, рабочие французской столицы на несколько месяцев установили в ней свою власть. Возникла Парижская Коммуна. Вскоре после ее поражения I Интернационал прекратил свое существование. Но это не остановило роста рабочего движения. Во всех странах Европы стали возникать социал-демократические партии, руководившиеся идеями марксизма. В конце века они объединились во II Интернационал.

К концу XIX в. окончательно сформировался мировой капиталистический рынок и завершился колониальный раздел мира между державами Европы. Обострение противоречий между ведущими державами этой части света привело к первой мировой войне, в которой Великобритания, Франция и Россия противостояли Германии и Австро-Венгрии.

Так как к концу XIX в. капитализм в Западной Европе окончательно утвердился, то эра буржуазных революций для большинства этих обществ ушла в прошлое. Иначе дело обстояло в остальном мире и, в частности, в России. Там никогда не существовало

настоящего феодализма. Все классовые общества Азии к моменту контакта с западным миром были политарными. В России вплоть до 1861 г. наряду с политарными отношениями существовали такие, которые, хотя и не были феодальными, но имели черты сходства с последними. Не вдаваясь в детали, их можно было бы назвать квазифеодальными. К числу квазифеодальных связей прежде всего должны быть отнесены крепостнические отношения в том их варианте, в котором они существовали в России. Квазифеодальные отношения существовали и по всей Восточной Европе, а также в Латинской Америке.

Ни политарные, ни квазифеодальные отношения не могли создать условий для спонтанного развития капитализма. Во все эти страны капитализм был занесен извне. И развиваться там он начал довольно поздно. Даже в России, расположенной сравнительно недалеко от Западной Европы и давно поддерживавшей с ней тесные связи, капиталистический способ производства начал формироваться лишь в последней трети XVIII в. Зарождение его в странах Азии относится к еще более позднему времени.

Развивавшийся в этих обществах капиталистический уклад неизбежно пришел в противоречие с господствовавшими там политарными и квазифеодальными отношениями. И это произошло довольно быстро, ибо политарные и квазифеодальные отношения дают значительно меньше простора для развития капитализма, чем настоящие феодальные. Этот конфликт мог быть разрешен либо путем реформ, либо путем революции. Для ряда стран революции стали неизбежными. Их принято называть буржуазными. Но они не были и не могли быть классическими буржуазными. Они были направлены не против феодализма, как на Западе, а против политарных и квазифеодальных отношений.

Как уже указывалось, многие страны Азии, вступившие на путь капиталистического развития, были колониями западных держав. В результате революции в них приобрели характер национально-освободительных. Они были направлены не только против местных защитников старых отношений, но и против господства тех или иных капиталистических держав Запада, что делало их антиимпериалистическими, а тем самым в какой-то степени и антикапиталистическими. Словосочетание «антибуржуазные буржуазные революции» звучит парадоксально, но это парадокс

порожден самой историей. Это ключ к пониманию и самых современных событий, например, революции 1979 г. в Иране.

Если для Запада к началу XX в. эра революций закончилась, то для остального мира она только наступила. Первой в этом столетии была революция 1905-1907 гг. в России. За ней последовали революции в Иране (1905-1911 гг.), Турции (1908-1909 гг.), Китае (1911-1912 гг.), Мексике (1911-1917 гг.).

Революция в России назревала давно. Отмена крепостного права в 1861 г. и последовавшие за ней другие реформы, открыв дорогу развитию капитализма, привели в последующем к еще большему обострению конфликта. В России сохранились помещичье землевладение, сословное деление и самодержавие. Правящие круги на дальнейшие уступки не шли. Все это делало революцию неизбежной.

Надвигавшаяся революция была буржуазной. Естественно, что многие теоретики, в том числе марксистские, приходили к выводу, что в результате ее власть, как это было на Западе, перейдет в руки буржуазии и в стране утвердятся полноценное капиталистическое общество. А в дальнейшем, полагали те из них, кто считали себя марксистами, с развитием производительных сил вызреют предпосылки социализма и где-то через сотню или другую лет он победит.

Но в действительности буржуазная революция должна была произойти в России в совершенно иных условиях, чем в странах Западной Европы. Она назревала в стране, в которой главным вопросом был земельный, где существовала возможность великой крестьянской войны, в стране, в которой утвердилась машинная индустрия и существовал достаточно мощный рабочий класс, который страдал как от капиталистической эксплуатации, так и от сословного неравноправия. И у этого класса была своя политическая партия, имевшая четко выработанную программу. Что же касается русской буржуазии, то она панически боялась революции и была совершенно неспособна ее возглавить и довести до конца.

Успешное развитие революции в такой стране с необходимостью предполагало и требовало не только гегемонии рабочего класса, но и прихода его к власти в лице наиболее радикальной его партии. Только переход власти в руки рабочего класса и его партии мог обеспечить полное решение задач буржуазной революции. Это было осознано В.И.

Лениным, создавшим теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, и Л.Д. Троцким, выступившим с концепцией перманентной революции. Между их взглядами существовало определенное различие, но в одном они были едины: революция в России, начавшись как буржуазная, завершится приходом к власти рабочего класса, который, не ограничиваясь решением задач буржуазной революции, поставит вопрос о социалистическом переустройстве общества.

Как известно, первая русская революция потерпела поражение. Определенные изменения под ее воздействием произошли, но основные задачи революции решены не были. Провалились столыпинские реформы. В результате революция в России оставалась столь же неизбежной, как и раньше.

И она произошла в феврале 1917 г. Но буржуазия, получившая в результате переворота власть, как это и предвидели, оказалась совершенно неспособной решить назревшие проблемы. Столь же никчемными оказались и мелкобуржуазные демократы.

В силу неспособности буржуазных и мелкобуржуазных партий удовлетворить чаяния народных масс, приход к власти рабочего класса в лице большевистской партии был предопределен. Взяв власть, большевики буквально за несколько дней решили проблемы, к которым их предшественники боялись даже подступиться в течение нескольких месяцев. Задачи буржуазной революции в России были решены¹⁷.

2.7. Новейшая история (1917 – 1996 гг.)

Придя к власти, большевики первоначально ограничились лишь доведением до конца буржуазно-демократической революции. Это отчетливо можно видеть на примере декретов II Всероссийского съезда советов. Большевики вначале не ставили своей задачей национализацию даже крупных промышленных предприятий. Они ограничились лишь созданием рабочего контроля.

В дальнейшем началась национализация отдельных предприятий. Но она не носила массового характера и проводилась чаще всего под давлением низов. Центральная власть в большинстве случаев просто

¹⁷ См.: Семенов Ю.И. Россия: что с ней случилось в двадцатом веке.

санкционировала инициативу мест. И только в июне 1918 г. уже в разгар гражданской войны были приняты декреты о национализации крупных предприятий почти всех отраслей промышленности.

Можно дискутировать о том, существует ли в принципе уровень производительных сил, по достижении которого отпадет объективная необходимость в частной собственности, но бесспорно, что Россия такого уровня к 1917 г. не достигла. С этим были согласны все, не исключая В.И. Ленина. Большевики надеялись, что они сумеют создать материально-техническую базу социализма. Но даже если считать, что такая задача в принципе была по силам стране, на ее решение требовались годы и даже десятилетия. А реальная жизнь не могла ждать.

При том уровне производительных сил, который существовал в то время в России, общество могло быть только классовым и никаким другим. Поэтому в стране с неизбежностью начался процесс становления частной собственности и общественных классов. Путь к возрождению в полном объеме капиталистической собственности был надежно заблокирован государством. В результате процесс классовобразования пошел по иному пути.

В результате революции возник достаточно мощный партийно-государственный аппарат, в задачу которого помимо всего прочего входило руководство производством и распределением материальных благ. В условиях всеобщей нищеты и дефицита неизбежными были попытки отдельных членов партгосаппарата использовать свое служебное положение для обеспечения себя и своей семьи необходимыми жизненными благами и для оказания услуг, причем не обязательно безвозмездных, различным людям, не входившим в аппарат.

Такого рода практика уже в первые годы после революции получила достаточно широкое распространение. Так постепенно стала складываться система привилегий для руководящих работников партии и государства. И помешать этому не могли никакие меры. Становление такого рода отношений предполагало уничтожение всякого контроля над аппаратом со стороны масс, т. е. ликвидацию демократии. Этому способствовали условия гражданской войны, которые делали необходимыми использование авторитарных методов управления. Но дело не в самой по себе гражданской войне, ибо пик классовобразования приходится на мирное время. Уничтожение

демократии предполагало фактический отказ от выборности в партии и государстве, а тем самым переход к системе назначений сверху донизу.

Нижестоящих чиновников назначали те, кто были рангом выше, тех в свою очередь — еще более высокостоящие и т. д. Но где-то должен был существовать верховный назначающий, выше которого не стоял никто.

Верховный вождь не мог быть назначен. Он должен был выдвинуться сам. Формирование подобного рода иерархической системы с необходимостью предполагало появление человека, находящегося на вершине пирамиды. За это положение шла борьба. Одержат в ней победу мог только тот человек, который обеспечил себе поддержку большинства новых хозяев жизни. Но для этого он должен был понимать их интересы и служить им. Таким человеком оказался И.В. Сталин. Однако главой системы вполне могло стать и другое лицо. Это не могло сказаться на сущности происходившего процесса, хотя некоторые ее проявления могли быть несколько иными.

Таким образом, процесс классообразования, с неизбежностью начавшийся после революции в России, пошел по линии возникновения общеклассовой частной собственности, выступавшей в форме государственной, и, соответственно, превращения основного состава партийно-государственного аппарата в господствующий эксплуататорский класс. В России возник политарный способ производства, возникла политосистема и политарх. Этот новый политарный способ производства, имевший много общего с тем, что с конца IV тысячелетия до н. э. существовал в странах Востока, в то же время значительно отличался от него. Материально-технической основой древнего политаризма было доиндустриальное сельское хозяйство. Этот способ производства можно было бы назвать аграрно-политарным или агрополитарным. Новое политарное общество было, как и капиталистическое, обществом индустриальным. Его можно было бы назвать индустриально-политарными или индустрополитарным. Индустрополитаризм возник на почве, подготовленной капитализмом. И дело не только в технике производства и структуре производительных сил.

Само развитие капиталистических отношений создало возможность появления политарного общества нового типа. В последней трети XIX в. начали возникать монополистические

объединения капиталистов, которые имели тенденцию к укрупнению. Возникали все более и более крупные монополии. Несколько позднее стала проявляться еще одна тенденция — сращивание монополий с государством, соединение их в единый организм. Логическим завершением действия этих двух тенденций было бы появление такого монополистического объединения, в состав которого входили бы все представители господствующего класса и которое совпадало бы, если не со всем государственным аппаратом, то по крайней мере, с его верхушкой. Иначе говоря, логическим завершением развития в этом направлении было бы появление индустрополитарного общества.

Россия не была развитой капиталистической страной, но по уровню монополизации промышленного производства и государственного регулирования экономики она стояла не только не ниже, но, наоборот, выше ряда развитых капиталистических социоисторических организмов. Это в значительной степени способствовало формированию в ней политаризма не столько аграрного, сколько индустриального типа.

Любой вариант политарного классовобразования предполагает репрессии. Без них невозможно уничтожить контроль над деятельностью госаппарата со стороны масс. Политаризм во всех его разновидностях предполагает верховную собственность политаристов на личности всех остальных членов общества. А это означает существование права класса политаристов на жизнь и смерть всех своих подданных. Право это могло проявляться в разных формах, но оно всегда существовало. Поэтому правовое государство при политаризме исключено. Зверское обличье политарная собственность на личности подданных приобретает на стадии становления этого строя.

Первый цикл массовых репрессий в СССР пришелся на 1928-1933 гг. Он обеспечил завершение в основном процесса становления в СССР политарного строя. Господствующий класс обрел право на жизнь и смерть рядовых граждан. Но для эффективного функционирования политарной системы необходимо было, чтобы политарх имел право на жизнь и смерть не только представителей эксплуатируемого класса, но и членов господствующего, т. е. людей, входивших в состав политосистемы. Такое право И. В. Сталин получил в результате

репрессий 1934-1939 гг., пик которых пришелся на 1937 г. На смену олигархическому способу правления пришел деспотизм¹⁸.

Политарные социально-экономические отношения, которые в основном сложились к началу 30-х годов, дали мощный толчок развитию производительных сил общества. Это сделало возможным превращение СССР в одно из самых мощных индустриальных государств мира, а в дальнейшем обеспечило ему положение одной из двух сверхдержав.

Таким образом, в результате Октябрьской рабоче-крестьянской революции 1917 г. на земле возникло индустриальное общество совершенно иного типа, чем капиталистическое, появилась индустриально-политарная параформация. И хотя этот новый общественный строй первоначально возник лишь в одной стране, но эта страна была столь велика и влияние ее на мировое историческое развитие было столь значительным, что это было равносильно появлению новой мировой системы. А после второй мировой войны, когда политарные порядки утвердились в большом числе стран Европы и Азии, образовалась мировая система индустрополитарных социо-исторических организмов в буквальном смысле этого слова.

Но после утверждения политаризма в СССР капиталистическая система социально-исторических организмов не только не исчезла, но и не перестала влиять на весь ход мировой истории, не перестала быть мировой системой. В результате в мире впервые в истории возникла ситуация, характеризующаяся сосуществованием и соперничеством *двух мировых систем*. С превращением мира из монополярного в биполярный произошла смена всемирно-исторических эпох: на смену эпохе нового времени пришло новейшее время.

Первая мировая война была следствием и проявлением кризиса мирового капитализма. И после ее окончания этот кризис еще более усугубился. Продолжали обостряться внутренние противоречия капитализма. И кроме того, он столкнулся с вызовом, который бросил ему новый общественный строй, который долгое время и довольно успешно выдавал себя за социализм.

Вызов этот состоял вовсе не в намерении осуществить «красную интервенцию». Декретом СНК от 29 октября (11 ноября) 1917 г. был

¹⁸ См.: Семенов Ю.И. Россия: что с ней случилось в двадцатом веке.

введен восьмичасовой рабочий день. А вслед за этим постепенно была создана такая система социального обеспечения, какой не было не только в царской России, но и ни в одной даже самой передовой капиталистической стране. И это не могло не оказать влияния на рабочее движение в странах капитала. Нужно было противодействовать этому притягательному воздействию. Уже в 1919 г. представите, ли капиталистических стран заключили в Вашингтоне международное соглашение о введении восьмичасового рабочего дня. Но рабочие требовали большего. Их натиск усиливался.

В 1929 г. разразился самый тяжелый за всю историю капиталистического мира кризис, охвативший все страны. Он свидетельствовал о том, что дальнейшее сохранение полной свободы рынка могло привести к краху капиталистической системы. Насущной необходимостью стало государственное регулирование рынка. На фоне всеобщего кризиса выделялся СССР, плановая экономика которого в эти годы развивалась невиданными темпами.

Перед капиталистическим миром открывались два пути решения назревших задач. Один — развитие по направлению к индустрополитаризму. Возникновение единой государственной монополии обеспечивало, с одной стороны, регулирование экономики в масштабе страны, с другой — подавление рабочего движения. Однако мало было усмирить рабочих. Чтобы обеспечить длительное существование такой системы, нужно было что-то дать трудящимся массам в ближайшем будущем и открыть перед ними какую-либо заманчивую далекую перспективу. Это обуславливало милитаризацию общества и подготовку к войне. Победоносная война сразу же открывала возможность грабежа покоренных стран, а затем и превращения побежденных в рабов народа-победителя. Господствующими в таком обществе с неизбежностью должны были стать идеи корпоративности, национализма, расизма и мирового господства.

Данный вариант становления индустрополитаризма не предполагал насильственного уничтожения капиталистических отношений и ликвидацию класса капиталистов. Капиталистические отношения сохранялись, но при этом обволакивались возникавшими политарными, что вело к их существенному изменению. Такого рода общество может быть охарактеризовано как политарно-капиталистическое.

По такому пути пошла и дальше всех зашла Германия. Еще раньше ее подобного рода строй начал устанавливаться в Италии. В 20-30-х годах фашистские или близкие к фашистским порядки установились во многих странах Европы: Португалии, Испании, Болгарии, Югославии, Польше, Венгрии, Румынии, Испании, Литве, Латвии, Эстонии.

Другой путь выхода из кризиса был намечен «новым курсом» Ф. Рузвельта. Наряду с государственным регулированием рынка он предполагал существенное повышение заработной платы и создание развитой системы социального обеспечения, что предполагало изъятие государством определенной доли общественного продукта с последующим его распределением среди значительной части населения. Уже после Второй мировой войны этот путь привел к возникновению того, что получило наименование «государства всеобщего благосостояния». В одних случаях эти преобразования проводились руками буржуазных деятелей, в других — пришедшими ко власти партиями, представлявшими интересы широких трудящихся масс, — социалистическими или социал-демократическими.

Социоисторические организмы, входившие в состав западной мировой капиталистической системы, разделились на две группы. В качестве союзников Германии выступили Италия, Япония, а также ряд государств восточноевропейской зоны. Им противостояли Великобритания, Франция и США. Ярый антикоммунизм нацистов и их планы расширения «жизненного пространства» за счет продвижения на Восток создавали возможность союза между этими странами и СССР. Развязанная Германией Вторая мировая война завершилась крахом фашизма.

После этого на первый план выступило соперничество между двумя мировыми системами. Началась «холодная война», которая грозила перерасти в горячую. В условиях, в которых противостоящие силы обладали ядерным оружием, это угрожало самому существованию человечества.

Наличие мировой политарной системы не только сделало неизбежным перестройку общества развитых капиталистических стран, но и обеспечило сравнительно безболезненную ликвидацию колониальной системы капитализма. Возникло множество новых самостоятельных государств, которые вместе с ранее независимыми странами Азии (исключая Японию), Африки и Латинской Америки образовали «третий мир».

Индустриально-политарный строй обеспечил СССР положение одной из двух сверхдержав. Однако возможности этой экономической системы были ограничены. Она не могла обеспечить интенсификацию производства, внедрение результатов нового, третьего по счету переворота в производительных силах общества – *научно-технической революции*. Примерно с 50-х годов темпы экономического развития страны стали непрерывно уменьшаться, пока к середине 80-х годов не упали почти до нуля. Это свидетельствовало о том, что политарные производственные отношения превратились в тормоз на пути развития производительных сил.

Непрерывно нарастал кризис экономики и всего общества. Объективной необходимостью стала ликвидация ставшей совершенно неэффективной политарной системы. И она с неизбежностью началась. Именно в этом заключается сущность процесса, начальный этап которого получил название «перестройка». Он привел к исчезновению мировой политарной системы, к распаду СССР. В результате в мире осталась лишь одна мировая система – западная капиталистическая и лишь одна сверхдержава – США¹⁹.

Процесс преобразования России, начавшийся в 1985 г., не завершился, и конечные его результаты до сих пор не ясны. Однако имеются серьезные основания полагать, что классический капитализм в России утвердиться не сможет²⁰ столь же неясным остается и будущее остального мира. О духовном кризисе западной цивилизации начали писать с конца XIX в. и не прекращают писать сейчас, возлагая всю вину на развитие науки и техники, хотя дело, конечно, в общественном строе. Крах политарной системы имел своим следствием стремление влиятельных кругов господствующего класса Запада отнять у трудящихся значительную часть их социальных завоеваний, что начинает встречать отпор. Запад столкнулся с перспективой нового обострения классово-борьбы. И еще одной головной болью является проблема отношения в целом пока преуспевающих стран западной зоны с бывшим «третьим миром». Вопреки мнению приверженцев концепции постиндустриального общества, выход из этого положения не может быть обеспечен одним лишь развитием техники. Необходимостью становится переход к новому общественному строю,

¹⁹ См.: Семенов Ю.И. Россия; что с ней случилось в двадцатом веке.

²⁰ См.: Семенов Ю.И. Россия; что с ней было, что с ней происходит и что ее ждет в будущем.

основанному на иной форме собственности на средства производства, чем частная собственность. И предпосылки такого перехода в капиталистическом мире все в большей степени вызревают²¹.

²¹ См. : Семенов Ю.И. Россия: что с ней было, что с ней происходит и что ее ждет в будущем.